

*Александр Сивинских
Олег Никитин*

ЧЕРНЫЙ ШАМАН

**Олег Викторович Никитин
Александр Сивинских
Черный Шаман**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116785

Аннотация

Конец 22 века. Уже полторы сотни лет галактика густо пронизана сетью внепространственных А-каналов. Землеподобные планеты стремительно колонизируются. Однако выход в космос не меняет воинственной сущности человечества, и ООН по-прежнему вынуждена направлять в новые миры подразделения «голубых касок».

Планету Новая Либерия, заселенную выходцами из Африки, лихорадит. Крупнейшее государство Дагон стоит на грани гражданской войны. Духовный и военный лидер народности таха Черный Шаман движет войска к столице. Руководство миротворческих сил принимает отчаянное решение тайно уничтожить мятежного вождя – в джунгли направляется боевая группа. За спиной у сержанта Косинцева диверсионная школа ГРУ, у рядового Хэмпстеда – школа подрывников ЦРУ, а у снайпера Люсьена – универсальное средство решения любых проблем, винтовка AP-48. Впереди у них джунгли, где когда-то потерпел крушение звездолет Чужих, ныне охраняемый сворой одичавших инопланетных киберов; где между деревьями бродит демон с лапами крокодила и стальной головой; где в реках обитает таинственная змея хухум, способная запросто общаться с кровожадным богом Номмо.

Чем закончится операция по принуждению воинственных таха к миру?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	28
ГЛАВА 5	32
ГЛАВА 6	42
ГЛАВА 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Никитин, Александр Сивинских

Черный Шаман

ПРОЛОГ

От перемещения по А-каналу у Вадима остались самые неприятные воспоминания. Он бесконечно долго падал куда-то, кувыркаясь, будто варезка в аэродинамической трубе и оглушительно вопя – то ли от непереносимого ужаса, то ли от небывалого счастья. Видел зеленых ангелочков и белоснежных крокодилчиков. Слышал занудную «музыку сфер» и чей-то яростный мат. Скорей всего, собственный.

Очнулся в шлюзе орбитальной станции. Как положено, голышом, только за спиной – ранец десантника. Башка после А-перелета чесалась просто дико. Он кое-как обтер пот с морды и жадно выпил «финишный» коктейль из непрозрачного пакетика. Потом ополоснулся под хиленьким душем, достал из ранца форму, надел и совсем уж было собрался покинуть шлюз, как вдруг над финишной платформой задрожал воздух. Канал собирался выплюнуть кого-то еще. Вадим решил подождать «попутчика».

Сначала из марева сформировалось что-то вроде полупрозрачного двухметрового слизня. Потом у «слизня» появились конечности, голова, наконец, он отвердел и превратился в рослого негра. Негр был абсолютно голым, очень потным, через плечо у него висел туго набитый американский армейский мешок. От негра пованивало.

Вадим поморщился и отступил на пяток шагов в сторону. При перемещении по А-каналу человеческий организм обильно исторгает жидкости. Разнообразные. Задействованы при этом практически все отверстия. Первые испытатели А-канала прибывали в пункт назначения с полными штанами и насквозь мокрой от пота одеждой. И частенько теряли сознание от обезвоживания. Именно поэтому сейчас люди предпочитают перемещаться нагишом, а после прибытия пьют быстроусвояемые «финишные» коктейли и моются.

Страшно представить, что произойдет, если однажды А-каналы примутся вдруг исторгать нечистоты, скопившиеся в них за десятилетия эксплуатации.

Вадим подождал, пока негр вылезет из-под душа и оденется, и лишь после этого подошел с протянутой для пожатия рукой.

– Привет, рядовой! – сказал он по-английски. – Я Вадим Косинцев, русское подразделение KFOR.

– Привет, сержант. – Чернокожий солдат обнажил в улыбке крупные зубы. – Я Ирвин Хэмпстед, янки.

– Ваши еще будут? – спросил Вадим.

– Позже, дня через три. Пока я один. Остальные шестьдесят человек прививку перева- ривают. Слабаки, какой-то укольчик в нокаут отправил.

– С нашими такая же ерунда, – сказал сержант, почувствовавший что-то вроде уважения к американцу, сумевшему не свалиться от комплексной прививки. – Тогда на выход, что ли?

Ирвин кивнул.

Возле шлюза их встретил орбитальный офицер. Майор. Подполковник болтаться на орбитальной станции хрен согласится, а капитан чином не вышел для такой ответственной должности.

Фамилия у офицера была Ярыгин. Как у конструктора лучшего десантного автомата, который не раз выручал Вадима на отвратительной гористой планетке Косово. Майор Ярыгин был коренаст, плотно-пузат, брит наголо, с усиками щеточкой. Облачение его состояло

из «немнущейся» камуфляжной майки, таких же шортов и бело-красных кедров на босу ногу. С пояса у майора свисали штык-нож и фляга, а также пистолетная кобура. В кобуре было пусто. Стрельба на орбитальной базе сродни курению в пороховом складе, однако форма одежды есть форма одежды. Хотя веселенькой расцветки кедров были точно неуставными. Да и вместо боевого оружия вполне можно носить станнер. Правда, весит он килограмма два...

Зато во фляге явно что-то имелось, емкость заметно оттягивала ремень. На борцовском плече Ярыгина синела натуральная, а не голографическая наколка. Она изображала змею, выползающую из глазницы продолговатого черепа какого-то животного. Морда у змеи была выполнена кривовато, отчего казалось, что змея зловеще подмигивает.

«Череп, должно быть, лошадиный, – подумал Вадим и поскреб зудящую макушку. – Или верблюжий». Он попробовал вспомнить, в каких частях колют такие странные татуировки, но не сумел. Может быть, в кавалерии? Говорят, будто на Арабской Палестине кони да верблюды – основной транспорт.

Вадим поддернул ранец и принял стойку, которую можно было расценивать и как «смирно» и как «вольно». А также как «я настолько крутой боец, что уставные стойки не для меня». После чего он опять почесался и посмотрел на майора с ожиданием.

Ярыгин забавно подвигал кривоватым носом и сказал:

– Так это и есть все обещанное пополнение?

Могучий «выхлоп» чуть не снес Вадима с ног. После кувыркания в «кишке» А-канала способность организма сопротивляться кувалде крепких мужских запахов заметно снизилась.

– Так точно, – насколько мог молодецкато ответил он, переведя дух. – Сержант Косинцев.

– Рядовой Хэмпстед, сэр! – отпартовал Ирвин на вполне сносном русском. Он держался заметно более скованно, чем Вадим. Известное дело, янки своих солдат муштруют ого-го. Для них и сержант большая шишка, что уж говорить о целом майоре.

– Не густо, – выразил Ярыгин отношение к количеству пополнения. – Но вы, судя по всему, воины хоть куда. Каждый целого взвода стоит.

– Отделения, – скромно поправил Вадим, скребя пальцем затылок. Чесотка, вроде бы, постепенно сходила на нет.

– Yes, отделения, сэр, – сказал негр.

– Ну, это мы проверим, – грозно пообещал Ярыгин и непроизвольно побарабанил волосатыми пальцами по фляге. – А вообще, сержант Косинцев и рядовой Хэмпстед, где остальные-то?

– В карантине, товарищ майор. И наши и американцы. У них прививок от инопланетной заразы не было. Ну, вдули им, как полагается, весь комплекс, чтобы жизнь медом не казалась...

– А они с копыт, – коротко гоготнув, проявил осведомленность майор.

– Точно так. Лежат пластом, гадят под себя и видят небо в алмазах. Ирвин вот крепким засранцем оказался, укол на ногах перенес.

– Ну а ты, стало быть, уже привитый. Или тоже крепкий?

– Привитый, товарищ майор.

– Откуда в наши края, воин? Кстати, имя скажи.

– Зовут Вадимом. Перед этой командировкой был на Косово.

– Учил албанский? – заржал Ярыгин какой-то одному ему понятной шутке.

– Учил албанцев. Прародину любить.

– Удачно?

– С переменным успехом, – уклончиво сказал Вадим.

– А ты, рядовой, воевал?

Ирвин вытянулся, прижав ладони к бедрам и оттопырив локти.

– Пока нет, сэр. Но готов, сэр!

Ярыгин пожевал губами, погладил флягу и сказал:

– Вольно, Хэмпстед. – А потом вдруг плутовато улыбнулся: – Сынки, вы как насчет выпить с товарищем майором? За будущее успешное несение службы?

Вадим прислушался к собственному организму – на слово «выпить» тот реагировал адекватно.

– В высшей степени положительно, товарищ майор! У меня и форель а-ля натюрель в сухпайке имеется.

Черт знает, по чьей прихоти этот деликатес входил в паек ООНовского наемника от России. Никто этого точно сказать не мог, предположений высказывалась масса.

Ирвин молча кивнул. Глаза у него, тем не менее, заблестели.

– На что я и рассчитывал, – осклабившись, сказал Ярыгин. – Задолбали консервы. Пошли ко мне, бойцы. Там и проинструктирую.

* * *

Но прежде они зашли в казарму, где Вадим и Ирвин бросили ранцы на понравившиеся койки и переоделись-переобулись. На орбитальной станции было жарко и влажно, расхаживать в десантном комбинезоне представлялось верхом глупости. А сейчас они выглядели так же, как Ярыгин – учитывая, понятно знаки различия и расцветку кефов. У солдат были обычные, песочного колера.

– Автоматический челнок на поверхность пойдет только послезавтра, – пояснил майор. – Сейчас его грузят э-э-э... остатками гуманитарной помощи, завалившимися на складах.

«Контрабандой пробавляется майор», – догадался Вадим. Дело это было обычное. «Орбитальные офицеры» частенько запускали руку в грузопоток, снабжающий колониальные планеты гуманитарной помощью.

Ярыгин подмигнул:

– Во-от, а пока погрузочные роботы с челноком разберутся, я как раз успею ввести вас в курс дела. А вы, если захотите, успеете соблазнить ляльку из техподдержки. Зовут Лолита, обитает на третьем ярусе, как раз над нами. Очень, между прочим, символично. Для тех, кто знает ее повадки, х-хэ!..

– Она-то захочет, чтоб ее соблазняли?

– Она всегда хочет. Думаете, почему я так много бухаю?

Логика Ярыгина сначала показалась Вадиму странной, но потом он вспомнил старинный анекдот про «мне столько не выпить» и поинтересовался:

– Что, такая страшная?

– Сами увидите, – зловещим голосом пообещал Ярыгин. – Все равно она скоро прибежит знакомиться. Так что лучше бы нам начать без промедления. Вот, кстати, моя каюта. Милости прошу.

Каюта была стандартная, четыре на пять, со встроенной мебелью, псевдотрехмерным визором и сантехузлом за узкой дверцей. Только стол и два стула посреди каюты были настоящими – массивными, из дерева. Дорогущая штука. Видимо, с поверхности прислали, в обмен на «остатки гуманитарной помощи». На планете древесины должно быть достаточно.

– У тебя подружка есть, Косинцев?

– Конечно, товарищ майор. Эльза.

– Блондинка небось?

– Натуральная.

– Карточку покажешь?

Сержант с гордостью продемонстрировал динамический снимок Эльзы. Девушка на нем собирала кувшинки, стоя по бедра в воде. Тонкое платьице облепляло мокрое тело. Майор и Ирвин одобрительно зацокали языками. Косинцев украдкой вздохнул.

«Никак тебе дома не сидится! – заявила ему девушка, когда Вадим сообщил ей, что согласился с предложением бывшего командира и подписал полугодовой контракт. – А как же я?» – «Ну, Эльза, надо же на дом заработать... А там неплохие деньги обещают». – «Вот и будешь их потом десять лет ждать! – В уголках ее глаз появились блестящие капельки влаги. – Или инопланетяне убьют».

«Меня не убьют, – уверенно ответил Вадим и привлек ее к себе, ероша пальцами светлые волосы. И вдруг неожиданно для себя продолжил: – Я вернусь, и поженимся, ладно? Ну, когда деньги получу».

Это был единственный на его памяти раз, когда она показала, что действительно дорожит приятелем. Вадим познакомился с ней через неделю после того, как вернулся из «горячей точки» на планете Косово. Но за те несколько месяцев, что они встречались, так и не смог понять – то ли Эльза держит его за обычного самца с деньгами, с которым можно провести вечер в компании, не особенно боясь за свою шкурку, то ли просто не может найти никого посolidнее. А тут – ишь, эмоции прорезались! Побогаче, кстати, чем в постели. Там она позволяла себе в лучшем случае мимолетную улыбку после вялого оргазма...

– А у тебя, Ирвин? – продолжал расспросы любознательный Ярыгин.

– Я свободная птица, сэр! Мой прадед, военный моряк, учил: солдату девка не подспорье, а одна головная боль. Пока парень служит, она там неизвестно чем занимается. Или наоборот – известно. Ха-ха! Простите, сэр. Зато когда вернусь с деньгами и медалями, все мои будут!

– Правильный мужик твой прадед. Возьми на заметку, Косинцев.

Вадим без воодушевления сказал «угу».

Минуты три ушло на подготовку таинства. Фляжку Ярыгин передвинул на ремне за спину, сказав «от греха подальше, ибо НЗ!». Пока Вадим пластал форель, а Ирвин рассказывал о своем героическом прадеде, майор занялся сервировкой стола. Расставил четыре миски и три кружки с эмблемой космических сил KFOR, бросил ложки. Высыпал на салфетку галеты. В одну миску опорожнил банку консервированных патиссонов с морковью. Овощи были подозрительного цвета.

«Наверное, местные», – подумал Вадим.

Из убогого холодильника Ярыгин вытащил пластиковую бутылку, на две трети наполненную зеленовато-коричневой жидкостью. Когда майор открыл крышку, запахло сложным букетом, в котором присутствовали ароматы спирта, карамели, чая, корицы и почему-то копченого мяса.

– «Зайчик»! – сказал Ярыгин с любовью. – Сам готовлю. Из гуманитарной помощи.

– Ингредиенты? – профессионально наострил уши Вадим.

– Военная тайна! – заулыбался Ярыгин и наполнил душистым и маслянисто-тяжелым пойлом кружки. Плеснул щедро, больше половины. – Но вы не робейте, сынки, рецепт верный. За знакомство?

– Соответственно! – значительно сказал Вадим, чокнулся со всеми и решительно отхлебнул «зайчика».

Вкус оказался неожиданным – сладко-солоновато-жгучим, примерно как у медовой перцовки, вдобавок с «дымком». Крепость градусов тридцать. Под форель «зайчик» шел просто великолепно. Вадим опустошил первую порцию за два раза, но все последующие проглатывал уже без малодушного гражданского уполовинивания. Ирвин демонстрировал, что крепок не только против прививок. Он ничуть не отставал от русских товарищей.

После второго тоста «За далекую Родину!» Ярыгин повел то, что назвал вводным инструктажем.

– Если сейчас не отпрапортую эту бодягу, – сказал он со знанием дела, – потом точно не захочется. Да и времени не будет.

Планета, над которой вращалась орбитальная станция ограниченного контингента вооруженных сил ООН, называлась Новой Либерией. Она в свою очередь бежала вокруг слабенькой местной звезды по орбите, едва превосходящей орбиту Меркурия. Вследствие этого новолиберийский год составлял около пяти земных месяцев, а климат даже в приполярных и полярных областях был по-африкански жарким. Более низкие широты были вообще непригодны для обитания человека из-за ужасающих температур. Возле экватора столбик термометра упирался в отметку 70 градусов.

Без малого полтора столетия назад, когда финны Янне Мегалла и Аарне Тоот открыли А-принцип, позволявший тянуть дармовые в энергетическом смысле внепространственные тоннели к землеподобным планетам, сюда устремились миллионы африканцев. В основном из беднейших стран. На родине им жилось несладко, а тут такие перспективы! Свою роль сыграла и красочная пропаганда. Страны «золотого миллиарда» не жалели денег на рекламу Новой Либерии. Чернокожая беднота, как и любая другая, для скудеющей Земли была лишь обузой. Неудивительно, что переселенцы в очередь выстраивались, чтобы отбыть в инопланетный рай. Уходили сами, везли с собой животных, растения, обычаи и веру в то, что уж там-то построят такие государства, что белые через сотню лет от зависти умрут! Или даже раньше.

Белые щедро подкинули африканцам устаревшей техники и оборудования, пожелали им удачи, дождались, пока чернокожая братия переберется туда почти вся... и заблокировали выходящие на поверхность планеты А-каналы. Оставили всего два, оба вели на искусственные спутники планеты. Жерло первого заканчивалось в шлюзовой камере орбитальной станции KFOR. Туда прибывали наемники военного контингента, врачи, миссионеры и гуманитарная помощь. Второй тоннель был торгово-транспортным. По нему на гигантский орбитальный склад, а затем на Новую Либерию переправлялась отслужившая земной срок техника: минимальный срок «новизны» составлял 50 лет, максимальный уходил далеко за сотню. Современное оборудование не поставлялось вообще. Эмбарго соблюдалось крайне строго. К сожалению, ограничение это отчасти распространялось и на контингент ООН. Оружие, автомобили, средства наблюдения – все было с явственной, хоть и незримой пометкой «допотопный хлам». Хорошо хоть лекарства завозили нормальные, а не просроченные.

Разумеется, никакого рая построить африканцы не сумели. Лет через пять нарезали территорию на мелкие государства, еще с годик поупирались в сооружении общества мечты, а потом плюнули и зажили по-прежнему. Конфликтуя, голодая и плодясь бешеными темпами. Пришлось Земле скрепя сердце перебросить на Новую Либерию миротворческие войска. А в прошлом году в Дагоне начали бесчинствовать восточные племена, и ООН решила усилить свое присутствие в столице этой страны.

Вадим перед отправкой сюда уже выслушал эту историю. Но не станешь ведь перебивать собутельника! Тем более, старшего по званию. Тем более, выполняющего этим рассказом священный долг «орбитального офицера».

– За верность воинскому долгу! – провозгласил сержант, когда они наполнили кружки в пятый раз. Слушать сведения о Новой Либерии насухо было решительно невозможно. Тем более, излагать их. Поэтому Ярыгину пришлось дважды прервать рассказ для того, чтобы «промочить горлышко».

Едва они выпили за верность долгу и заели тост последними кусочками форели, как в каюту вошла женщина. Она была поразительно красива. Прямые черные волосы закрывали половину безукоризненного лица, аппетитно пухленькое тело слегка прикрывала

бледно-голубая футболка и синие обтягивающие шортики из латекса. В женщине явно присутствовала европейская кровь, но не более четверти. Остальные части были родом с земного Востока. Китайские, скорей всего.

Вадим подавился галетой и вскочил, опрокинув стул.

– А это наша Лолита, бойцы. Я ж говорил, вы испугаетесь, – сказал Ярыгин и утробно загоготал. – Лола, познакомься с Вадимом и Ирвином.

Женщина отбросила с лица волосы и протянула сержанту руку. Тот едва не подавился вторично: прежде скрытая под волосами щека Лолиты была залита гигантским родимым пятном винного цвета.

– Счастлив р'зделить! – заплетающимся языком пробормотал он, абсолютно не соображая, что же именно желает разделить, и резко бросил подбородок на грудь. Зубы клацнули.

– Гусар! – оценил его порыв майор. – Кавале... гале... леград!

– Разделим, – загадочно пообещала Лола Вадиму. Повернулась к Ирвину.

– Привет, здоровячок.

– Хелло, мэм, – улыбаясь, проговорил тот и сделал попытку поцеловать женщине руку. Промазал и чуть не нырнул мордой в пол.

Лолита со смехом придержала его за плечи и сказала Ярыгину:

– Вики, плесни-ка мне из своей фляжки.

– Энзе! – покачал пальцем тот. – Непр... прикосновенный припас! Не имею права!

– Вики, не выводи меня из терпения. Иначе я решу, что в твоей каюте чересчур холодно и добавлю тепла. Градусов на двадцать. Или решу, что гравитация слишком велика и выключу ее вообще. Ты меня знаешь.

Похоже, майор знал Лолиту очень хорошо. Он немедленно отстегнул фляжку и налил всем. Во фляжке оказался вполне пристойный бренди.

К моменту, когда фляжка опустела, майор под страшным секретом поведал Вадиму о том, что на Новой Либерии обнаружены следы инопланетной цивилизации. И о том, что вероломные негры тщательно скрывают их от Земли, но от Ярыгина не скроется ничто! Особенно артефакты, которые стоят бешеных денег. Ревел он при этом так, словно хотел, чтоб секрет стал достоянием всей Галактики.

Лейле и Ирвину было не до инопланетян. Женщина уже сидела у Ирвина на коленях и трепала ему волосы, называя шалунишкой. Американец тыкался губами в мягкую грудь, крайне удачно выскользнувшую из-под растянутого ворота майки, и рассказывал, как здорово ему не хватало вот этой вот груди, именно этой, в школе диверсантов ЦРУ. Особенно перед тем, как произвести отбой после напряженного дня. Вадим был уверен, что негр бесовестно врет, но разоблачать его не хотел. Женщины любят шпионов.

Сержант снова и снова подливал себе «зайчика».

«Надерусь до беспамятства», – думал он. Боялся, как бы прекрасная китайка не показалась чересчур соблазнительной. Настолько, что захочется забыть об Эльзе и броситься в драку с Хэмпстедом.

– Так ты разведчик, здоровячок! – хохотала Лола. – То-то я чувствую, как чья-то рука скрытно перемещается по моей попе.

– В район секретной дислокации склада с боеприпасами! – орал Ярыгин.

– Пещеры с'взрывчаткой, – тряс отяжелевшей головой Вадим.

– Я неважно учился, – рассказывал тем временем Ирвин второй груди. Майка Лолиты успела куда-то исчезнуть. – Я плохой разведчик. Но классный минер-подрывник! Знаешь, как я ловко умею ставить трехразовую мину-огурец?

– Пока нет. Однако надеюсь узнать.

– Но ведь здесь нет таких мин! – горестно восклицал негр. – Проклятое эмбарго!

– А мы поищем, – успокаивала его Лола. – Пойдем в мою комнату. Если на этой чертовой посудине и можно обнаружить мины-огурцы, то только там.

– Тогда вперед! – объявил Ирвин и немедленно вскочил. – Up your fucking ass!

Лола сейчас же грохнулась на пол, майор зашелся в хохоте. Вадим подал женщине руку, та поднялась и сказала американцу:

– Ну, мой милый здоровячок, теперь ты тремя фугасами не отделаешься.

– Оставь его в живых, девочка! – икал Ярыгин и грозил Лолите пальцем. – Растяни удовольствие, а то погубишь солдата.

– Удовольствие имеет свойство растягиваться. Конечно, если это понадобится, – двусмысленно хихикала женщина.

Когда Лола и Ирвин ушли, на столе возникла вторая или уже третья бутылка с «зайчиком». Ее нужно было опустошить, желательно в течение часа. Так заявил майор, спорить с ним не было ни сил, ни желания. Да и субординация не позволяла. Кажется, они управились быстрее. Майор вновь и вновь возвращался к теме инопланетных следов на Новой Либерии. Выяснилось, что наличие упавшего звездолета подтверждается не только болтовней новолиберийцев, но и неумолимыми фактами. Именно через Ярыгина на Землю уходят артефакты, с великим риском добытые на корабле Чужих.

– Выж-живает один из десяти добытчиков! Остальныедохнут как мухи. Даж-же после смерти Чужие умеют защищать свои богатства. Да и хрен с ними! С добытками тоже! Баб у негров много, новых нарожают! Главное, что все эти штуковины попадают к моим людям. Те переправляют сюда, а я через А-канал – кому следует. Однако тс-с-с!

– Тс-с-с! – соглашался Вадим. – Шпионы п'всюду. И главный американск'й лазутчик Ирвин. Хор'шо, что его увела эта нимф'манка.

– Да! Поэтому я тебе покаж-жу кое-что. Ведь ты мой земляк, значит не трепло! Мы, русские, не метём языком попусту.

Поковырявшись с застежкой, майор выудил из кобуры небольшой обрывок матовой полупрозрачной пленки. На взгляд Вадима, ничего инопланетного в ней не было. С виду она напоминала кусок упаковочного пластика.

– Говорят, эта хреновина лечит любые раны, – сообщил Ярыгин. – Махом. Я сам не проверял, но вялого побеждает только так. Я бы без этой пленки от Лолки еще год назад на Землю сбеж-жал. Вот смотри. Щас оберну своего голубчика, и он ка-ак вскочит!

– Не надо, т'рищ майор. Я верю!

– Добро, не буду. Все равно ширинка не расстегивается, зар-раза!

Потом перед Вадимом качался коридор, лифт, снова коридор, стены казармы. Потом он рухнул на койку, которая тоже раскачивалась, раскачивалась, раскачивалась...

ГЛАВА 1

– Ну и жара! – выдохнул Стас Федоров, входя в самую прохладную комнату блокпоста. Он утер мокрое лицо пропыленным рукавом и двумя глотками выпил ковшик теплой воды. Затем плюхнулся на продавленную кровать и принялся сдирать ботинки. Духоту тут же дополнил богатый запах солдатских носок. – Вперед, сержант, твой черед настал.

Вадиму жутко не хотелось под жаркое солнце Новой Либерии, на котором, кажется, растаяла бы даже вечно холодная Эльза. Он протер лицо влажной тряпкой, сдирая остатки тяжелой дремоты. Подхватил тяжеленный импульсный парализатор типа «Параллакс» (плазмоганов миротворцам не полагалось) и выбрался на крышу блокпоста, стараясь не высовываться ни за границу полинялого тента, ни за мешки с песком, наваленные вдоль краев. По всем правилам требовалось вдобавок включить активную надстройку бронезиelta, но Вадим пренебрег уставом. Регулятор отвода влаги второй день барахлил, из-за чего внутри защитного кокона очень быстро образовывалось что-то вроде плотного тумана. При сложении с наружной высокой температурой из кокона получался паровой котел в миниатюре. Быть сваренным заживо Косинцеву хотелось меньше всего.

Что за дерьмо это дневное дежурство! Жара такая, что даже мухи прячутся. Но вечером еще хуже. Температура почти не снижается, а из джунглей прилетают целые тучи гнуса. Особенно если им помогает южный ветер. Зато ночью тут валяться – одно удовольствие. Крылатые кровососы куда-то пропадают, лишь цикады трещат в траве, да взрывают порой хищники, завезенные первыми поселенцами Новой Либерии. Или местные, разве разберешь?

Хлопот тоже минимум. Посмотрел в прибор ночного видения, полюбовался пустой саванной да зелеными контурами мелких грызунов – и думай себе о вечном. Или с напарником разговаривай, если остались еще темы для обсуждения.

И все же в столице повеселее будет. Там хоть и приходится патрулировать улицы в любую погоду – даже тогда, когда и собака предпочтет сдохнуть на месте, чем высунуть нос из укрытия, но когда не твое дежурство – раздолье. Можно купаться, гонять мячик, можно в визор пялиться. А можно к америкосами наведаться. Обменяться беззлобными шутками, журналами с девочками, а то и продуктами. Янки, правда, жлобствуют, сволочи. Разъезжают на довольно-таки современных бронемашинах с кондиционированием, прямо на раздолбанные тротуары бросают банки из-под ледяной колы. На них даже смотреть-то обидно. Впрочем, нельзя сказать, что они законченные козлы. Иногда делятся с русскими парнями холодным дринком. Особенно черный Ирвин Хэмпстед, в чьей компании Вадим так славно побезобразничал на орбитальной базе.

Дорога, которую охраняло подразделение Вадима, лежала в некотором отдалении от основной магистрали, ведущей в столицу страны, Малелу. Была она ужасающе пыльной и ухабистой, поэтому ездили по ней редко. И уж практически никогда – днем.

Тем сильнее было удивление Косинцева, когда в нескольких километрах западнее он заметил движущееся облачко пыли. Если это не сумасшедший слон или взбесившийся носорог, то машина. Хотя крупное дагонское зверье тоже предпочитает передвигаться по дорогам, а не по пересеченной местности.

Угораздило же бестолковых негров навезти сюда «родных» зверушек с Земли! Построим, дескать, Новую Либерию взамен старой, погрязшей в междоусобицах. И будет у нас вместо земного ложного подлинный дагонский рай, с угодными Богу тварями. И что теперь? Да та же сама вечная история, когда одно племя душит другое, а третье в это время с завидным рвением пинает обоих собратьев. Одного поддых, другого в пах.

Сержант без большого усердия осмотрел в бинокль окрестности. Везде было спокойно. Вадим вновь навел окуляры на подозрительное облачко, постоянно подкручивая резкость.

Наконец в просвете между пальмами промелькнул белый блестящий бок, и тут же – весь корпус массивного джипа, укрепленного спереди куском рельса. Машина неслась на удивление резво. Неужели на таран идут?

– Стас! – гаркнул Вадим.

Федоров не отзывался, и сержант метнулся вниз, задевая ступеньки прикладом парализатора. Солдат, конечно, спал и ничего не слышал.

– Вставай! – тряхнул его за плечо Вадим. – Гости пожаловали.

– А?.. Игоря позови... Или Петьку...

Те дрыхли в оружейной комнатухе, и зычный храп был тому свидетельством.

– Вставая, муха цеце, а то прихлопну! – рассвирепел Вадим. – Они после ночного, пусть повалются. А ты и так семь часов до дежурства массовал. Ну, живо! Прикроешь из окна, понял? И не высовывайся.

Стас нехотя поднялся и напялил ботинки.

– Ты чего психуешь, сержант? Танки там, что ли?

– Джип. Укрепленный.

– Да мало ли таких джипов! Здесь других машин не бывает.

– Предчувствие у меня, – сообщил Вадим. – Нехорошее, понял?

– Иди к хренам со своими предчувствиями, – пробурчал Федоров, но оружие подхватил и прошел за Вадимом в боевой каземат. Там находилась единственная бойница блокпоста, которая выходила на дорогу. Впрочем, бойницей это отверстие можно было назвать лишь с натяжкой – слишком велико.

Отдернув противомоскитную сетку, солдат выставил наружу ствол парализатора и встал одним коленом на мешок, принимая позицию для стрельбы.

– Фокусировку сделай поуже, а то меня зацепишь, – сказал Вадим, привел свой «Параллакс» в готовность к пакетной стрельбе и вышел к полосатому шесту шлагбаума.

Машина, нещадно пыля и подсакивая на колдобинах, вывернула из-за пальмовой поросли, въехала колесом на кочку в придорожной траве и со скрежетом тормознула перед самой преградой. Когда пыль немного рассеялась, в ней проявился силуэт мощного негра, босого, в шортах и потной майке. На затылок он напялил широкую шляпу грязно-белого цвета. Стало видно, что джип чертовски не нов и местами так сильно ободрался, что из-под краски показалась металлопластиковая подложка.

«Носорогов по саванне гоняли, что ли?» – подумал Вадим, поводя стволом парализатора от машины к негру и обратно. Человек, который приближался к нему, оружия явно не имел. Зато сжимал толстыми словно сосиски пальцами пачку каких-то документов в темно-синих корочках.

– Привет, командир, – радостно оскалился абориген. Его французский был так плох, что Вадим с трудом разбирал сказанное. – Пусти в город по делу.

– Что везешь?

– Сестра рожать собралась, друг. – Негр просиял еще сильнее. – Вот, помогаю довести Зейлу в больницу. Непокойно сейчас на дорогах, точно? Если что, помогу от бандитов отбиться.

– И чем отбиваться будешь? Оружие имеется?

– Нет, что ты, командир! Ломиком, кулаками...

– Машина чья? Документы есть?

– Так общая. Одна на всю деревню! А бумажки потеряли, друг.

– Ну-ну. Не иначе кто-нибудь задницу подтер. За рулем кто?

– Так муж ее. Ну, поднимай палку, недосуг нам. А то родит еще!

Он громко хохотнул, махнув рукой напарнику в кабине – мол, сейчас тронемся дальше, все в порядке. Вадим взял у него пачку сальных документов и открыл первый, кося одно-

временно и в бумаги, и на физиономию негра. Паспорта, конечно, были донельзя истерты, но на первый взгляд выглядели как настоящие.

– Где запись о регистрации брака?

– А зачем? – обиделся негр. – У нас в деревне просто. Зачем нам записи, если без них все понятно?

– Надо досмотреть салон, – сказал Вадим и вернул документы. – Эй, выходи! – крикнул он мрачноватому водителю.

Тот неохотно покинул свое место. Комплекцией второй дагонец не уступал родственнику, одет был так же легко, только на ногах красовались разношенные сандалии.

– Ну, смотри, только не тяни, – поскучнел негр и как-то нехорошо ослабился, отчего Вадим слегка напрягся и бросил взгляд в сторону блокпоста.

Ствол Федоровского парализатора гости, конечно, уже заметили, но боец в засаде, кажется, ничуть их не волновал. Знают, сволочи, что Устав ООН запрещает применять оружие без явной угрозы для жизни военнослужащего или охраняемого лица. Против беременных аборигенок тем более, тут выговором не отделаешься. А если попадешь в лапы к родственникам жертвы, никто и не подумает вызволять тебя – для «мира на планете» куда важнее сохранить лицо всей конторы. И тогда прощай, неудачник. Крокодилам скормят. А то и сами сожрут. По слухам, кое-где в глуши нет-нет, да происходили случаи каннибализма.

– Стойте тут, – приказал Вадим и обошел джип, чтобы проверить багажное отделение.

Там валялись пустые канистры, лысая как вареная луковица запаска и какое-то вонючее тряпье. Вадим поворошил его стволом – касаться руками было неприятно. Кто знает, какие микробы кишат в этой грязи? Не говоря о насекомых. Мин и пулеметов под тряпьем не обнаружилось. Косинцев бросил взгляд в салон и действительно увидел женскую фигуру, неподвижно замершую на заднем сиденье. Сержант захлопнул багажник, приблизился к боковой дверце и распахнул ее. В нос ударил затхлый дух немытой кожи и какой-то плесени. Да, внутри было еще хуже, чем снаружи – обивка во многих местах порвалась, явив стальные жилы автомобильных внутренностей.

Сзади лежала довольно молодая женщина, причем на удивление симпатичная, с голой грудью и ногами, подтянутыми к животу. Правда, Вадим не заметил, чтобы ее молочные железы готовились стать «фабриками» питательного напитка. Вздутый живот был прикрыт куском плотной ткани. Внезапно женщина застонала и проговорила что-то невнятное на своем диком наречии, и близко не похожем на французский. Кажется, она ругалась – черные глаза гневно блестели, а сквозь пухлые губы полетели брызги слюны.

– Эй, командир, хватит смотреть, пропускай скорее! – заволновался негр с документами. – Не видишь, Зейле совсем плохо?

Вадим поочередно заглянул под оба передних сиденья, затем покосился на обоих мужчин, взмахнув оружием.

– Придется поднять заднее, – сказал он.

– Какой ты недоверчивый, – запричитал негр и двинулся к Вадиму, размахивая руками. – Как же мы сестру вытаскивать будем? А если родит? Никакой гигиены! Кто примет роды?

– Давай-давай, – отступая к обочине, настаивал Вадим. – Меньше болтай, скорее освободишься.

Оба родственника подошли к джипу, один нагнулся, чтобы подхватить женщину на руки, а второй загородил сержанту обзор, собираясь помочь ему. Внезапно что-то холодно блеснуло под боком у первого негра. Едва слышный за причитаниями беременной щелчок предохранителя подействовал на Вадима, как рывок ошейника на собаку.

Сержант резко бросился в сторону, все еще не решаясь открыть пальбу – все-таки не был до конца уверен в том, что налетчики вооружены. Он как раз успел залечь за кор-

пусом машины, когда запоздало грохнул пистолетный выстрел. Рядом с левым ботинком взметнулся фонтанчик пыли. В ответ Вадим почти прижал парализатор к дороге и полоснул коротким импульсом по тому месту, где должны были находиться ноги нападавших. Кто-то коротко взвизгнул, и тотчас из окна блокпоста угрожающе захрюкал «Параллак» Федорова. Тормозной Стас наконец-то сообразил, что к чему.

Приняв львиную долю импульса, корпус машины противно задребезжал и заскрипел, окна брызнули мелкой стеклянной крошкой. Вадим буквально вжался в колесо. Попасть под выстрел парализатора – все равно, что ненадолго умереть в страшных мучениях. А с противоположной стороны в любой момент могла прилететь пуля от негров. Она, может, убьет и без мучений, зато навсегда. Скрючившись, сержант чуть не на коленях бросился в сторону блокпоста. Пока у Федорова не кончился заряд батареи, надо успеть спрятаться за стенами.

Ввалившись в тамбур, Вадим перевел дух и увидел Игоря и Петьку, которые волокли к бойнице инфразвуковой излучатель на станине. Кто бы мог подумать, что эта бандура, способная обратить в паническое бегство целое стадо слонов, когда-нибудь пригодится? А ребята молодцы, быстро реагируют. Вот только к тому времени, когда эта штука разогреется, их здесь могут закидать гранатами. Да и собственная защита миротворцев могла не удержать мощный инфразвуковой удар.

– Не успеем. Бросайте ее на хрен! – рявкнул Вадим. – Игорь, быстро наверх, посмотри вокруг! Петька, махом за «кочергой»!

– Так серьезно? – опешил солдат.

Ответить Вадим не успел: стены блокпоста вздрогнули, с потолка посыпалась сухая глина и осколки бетона. Повторять приказ не пришлось. Петр метнулся в оружейную и спустя несколько секунд уже тащил на плече «кочергу» – легкий автоматический гранатомет. Оружие и впрямь напоминало старинный инструмент для ворошения углей. Только вместо рукоятки конец «кочерги» украшал набалдашник электромагнитного ускорителя да сбоку торчал кривой рубчатый магазин.

– Наверх! Вали все, что шевелится.

Вадим откинул крышку массивного ящика, в котором находилась аппаратура для связи с базой. Щелкнув кнопкой включения, он срывающимся пальцем набрал на клавиатуре спутникового телефона номер базы и кинулся на крышу. Вдруг ребятам потребуется срочная помощь? Черный провод зазмеился за спиной. Проклятые ООНовцы поскупились на качественный аппарат и подсунули какое-то лежалое старье с местных складов.

Когда он выскочил наверх, под ногами дрогнуло, и сквозь люк в небо вырвался столб пыли. По ноге что-то чиркнуло, но боли Вадим не почувствовал.

И сразу стало тише. Замолчал «Параллак» Стаса, который все это время крестил парализующими импульсами окрестные заросли, перемежая стрельбу яростным матом. Батареи четыре посадил, никак не меньше. «Какого хрена он это делал? – внезапно подумал Вадим. – Сколько там этих черных? Полк?»

– Пост восемнадцать вызывает базу, – заревел сержант в трубку, не в силах дожидаться ответа. Наконец что-то в аппарате натужно щелкнуло, и сквозь помехи прорвался сонный голос офицера связи.

– Что у вас, восемнадцатый?

– Нападение на блокпост! Срочно требую подкрепления! Есть раненые!

Как ни была необычна ситуация нападения на блокпост, к ней были готовы уже несколько месяцев. Постоянная готовность к неожиданностям – в звездном десанте главное. План действий под названием «Самум» предусматривал довольно серьезные мероприятия. И булькающее клокотание парализаторов как нельзя лучше избавляло Вадима от подозрений начальства в том, что он сошел с ума.

– Высылаем вертушку! – обнадежил дежурный.

Вадим сбросил трубку в люк и повернулся к товарищам. Он увидел нелепо согнувшегося Игоря со стиснутым в руках «Параллаксом». Над товарищем склонился Петр. Лицо лежащего странным узором покрывали кровавые потеки.

– Что с ним? – хрипло выдохнул Вадим. Петр поднял окаменевшее лицо, и гранатомет вывалился из его руки, гулко брякнув о бетонное перекрытие.

– Вроде не дышит...

На груди и шее Игоря крови было намного больше – не то осколок, не то разрывная пуля вошла под ключицу, и теперь из-под кожи торчали обломки кости. Вадим отвел глаза. Видеть разорванную плоть того, с кем еще утром пил кофе и хрустел галетами, было невыносимо. Он с усилием переключил внимание на окружающее.

Где-то уже слышались голоса птиц, такие чужие и мирные после шквала выстрелов.

– Кого-нибудь еще кроме этих видел? – спросил Вадим.

– Вроде да... За поворотом дороги что-то двигалось. Видел сквозь кусты. Похоже на еще одну машину. Ну я всадил гранату, да не попал, а потом...

– Ясно. Давай вниз, проверь, что с джипом. И со Стасом...

Он перезарядил гранатомет, подобрал бинокль и приник к «брустверу», вжимаясь грудью в мешки. Больше всего он жалел об отсутствии приличных средств наблюдения. Придется высовывать голову. Если среди негров есть снайпер, то попасть в лобешник белому солдату для него не составит труда. Никакая каска не спасет. Однако Вадим рассчитывал, что оружия с оптикой у аборигенов не найдется. Не такие уж и богатые эти мятежные племена, все больше дедовским оружием пробавляются.

К сожалению, как уде выяснилось, гранатометы у их дедов имелись.

Косинцев осматривал местность больше минуты, когда метрах в трехстах восточнее что-то блеснуло. Вадим нырнул за мешки. Защитный вал перед ним взметнулся, от близкого разрыва заложило уши, яростная песчаная буря на минуту заслонила местное солнце.

– С-суки, – прорычал сержант. – Вот же суки...

Глаза нестерпимо болели, их словно резали тысячи песчинок, отчего все вокруг расплывалось маревом. Он нащупал «кочергу», выставил ствол над мешками и почти наугад навел туда, где заметил вспышку. С досадой подумав, что вместо этого доисторического барахла сейчас очень пригодился бы многоцелевой «ярыгин» или хотя бы десантный «бор», Вадим потянул спусковой крючок. Полыхнуло короткое пламя, и спустя секунду саванна вспухла разрывом. Обломки пальмы взмыли в небо, распускаясь в белесой синеве причудливым цветком.

Тотчас два взрыва один за другим потрясли блокпост. Похоже, внутрь забросили гранаты. Плита под Вадимом поехала вбок и вниз, он попытался вцепиться в разлом пальцами, но тут сверху на него повалились остатки мешков, а ствол гранатомета предательски ударил по макушке.

Увлекаемый массой песка и обломков крыши, Вадим обрушился с высоты двух метров, и наступила тьма.

ГЛАВА 2

Очнулся он в удивительно спокойном и тихом месте, и в первый момент даже не понял, почему не слышит взрывов и визга пуль. На белой стене напротив него висел поблекший календарь с полуобнаженной девицей, а под ним стоял старенький визор «Горизонт». Вадим понял, что находится в госпитале миссии ООН. И точно, за пределами помещения слышались английские и французские слова, доносились звуки радио и другие шумы.

В небольшой палате он был один.

В коридоре раздались шаги, и в дверь просунулось загорелое до красноты лицо Михайлова, майора медицинской службы. Это был единственный российский офицер, работавший в международном госпитале.

– Здравствуйте, – проталкивая звуки через глотку, выдавил Вадим.

– А, очнулся наш соколик, – обрадовался военврач. Он почему-то считал необходимым разговаривать, будто доктор из старых русских фильмов, и «соколики» с «батеньками» лились из него бесконечным потоком. – Ну, как мы себя чувствуем? Что болит?

Михайлов, на плечи которого был накинут идеально белый халат, приблизился к койке Вадима и присел на край. Сержант прислушался к своим ощущениям.

– Да вроде ничего... Что с ребятами?

Майор заметно помрачнел и отвернулся.

– Очень тяжелые ранения, опасаемся за их жизни. Все до сих пор без сознания... Ты один легко отделался, да и то потому, что тебя мешками засыпало. Что ж вы, долбодятлы, силовуху броников не включали?

– Жарко, – пробормотал Вадим. – Прямо-таки невыносимо.

– Жар-то костей не ломит, батенька. Эх, да чего теперь... Думаю, нападавшие прикончили бы тебя, если бы не торопились сбежать. С вертолета видели джип, который удалялся от поста, но стрелять по нему, конечно, не стали – окраины города все-таки. Ошибаться нам нельзя, особенно сейчас...

– Ясно...

Ничего больше Вадим сказать не смог, да и это короткое слово далось ему с таким трудом, будто челюсти свела судорога. Так оно, кажется, и было – мир плыл и волновался перед ним, словно отраженный в ведре с колодезной водой. Показалось, что тело изуродовано ранами и убито усталостью.

Он скрипнул зубами и очнулся, наткнувшись взглядом на скрючившуюся фигуру военврача. Тот потер глаза пальцами и нажал кнопку вызова медсестры.

– Я давно уже?... – спросил Вадим.

– Пятый день, как привезли. Тебе повезло – все кости остались целы, даже серьезных ран не нашли. Так, царапины. Небольшое сотрясение мозга, и только. Промыли тебе глаза, вычистили отовсюду песок. Ты уж извини, мы тебя эти дни на транквилизаторах держали, чтобы стресс снять. Ты бы раньше в сознание пришел. В общем, не хотели лишний раз травмировать.

Дверь снова скрипнула, и возникла старшая медсестра Наташа с пластиковым подносом. На нем стояли стакан чая и блюдце с горкой сахарных плюшек.

– Для нашего героя все самое горячее и свежее.

Наташе недавно исполнилось тридцать. На Земле ее ждал муж, крепко ушибленный идеей повышения рождаемости, и пятеро детей. Скорее всего, она скрывалась на Новой Либерии от очередной беременности. Впрочем, скромницей Наташа не слыла, просто была помешана на безопасном сексе. На стопроцентно безопасном. За глаза ее звали Натка Три Резинки. В группировке о ней ходили легенды.

– Ну уж и герой... – невольно улыбнулся Вадим. – Завалило песком, как муравья.

– Ладно, ты подкрепись, полезно, – строго заметил Михайлов. – Скоро выпишем, а пока спи, ешь, смотри визор и газеты читай. Вот, есть всего лишь двухмесячной давности «Московский Джедай». Или тебе местную прессу притащить? Только она вся на французском.

– А посетителей можно? Или мне к ребятам...

– Не до тебя сейчас, соколик, – помрачнел майор. – Племена таха с оружием прорвались на окраины. Дежурства постоянные... Так что не обижайся, если никто тебя не навестит. Все-таки госпиталь далековато от расположения русских военных, считай, через весь город ехать. А в нем очень беспокойно. И ребят своих тебе видеть ни к чему, они все забинтованы с ног до головы, как мумии.

* * *

Выписывать Вадима не спешили. Доктору что-то не понравилось в зрачках сержанта – по его словам, последствия сотрясения еще давали себя знать. Косинцев готов был спятить от тоски, когда в его палату подселили еще одного страдальца. Это был вертлявый субъект неопределённого возраста, национальности и рода занятий. Не кадровый военный точно. Звали его Алекс, по-русски он разговаривал свободно, лишь с каким-то пришепетывающим акцентом. В больничку Алекс загремел со «сложной формой биологического ожога». Проще говоря, умудрился влезть в ядовитые кустарники. Вследствие этого рожа у него напоминала комок заплесневелого теста с тремя ямками. Две узенькие – для глаз, одна пошире – рот. От носа виднелся только облезлый кончик. Руки походили на пару батонов колбасы – их сплошь покрывала розоватая противоожоговая масса в тугой пленке. Тело и ноги практически не пострадали, защитил плотный комбинезон и крепкие ботинки.

Алекс оказался общительным парнем. Даже чересчур. Все время, которое не проводил в камере регенерации, он болтал. С азартом и о чем попало. О политике и музыке, о девушках и рыбалке, о карточных играх и катании на лыжах. Об оружии, клонированных динозаврах, андроидах и сексе андроидов с динозаврами и оружием. Причем перескакивал с одной темы на другую легко, будто блоха – с собаки на собаку. Слушать его было интересно, однако дольше двух часов подряд утомительно. К счастью, днем процедуры по приведению Алекса в человеческий вид повторялись часто, а вечером Вадим успевал заснуть под негромкий говор товарища по несчастью.

О причинах, по которым его занесло в ядовитые заросли, Алекс стойко молчал, но однажды разговорился-таки. Вадим подозревал, что ему в тот день просто вкатили чрезмерную дозу обезболивающего.

Оказывается, Алекс участвовал в экспедиции, искавшей в джунглях инопланетный космический корабль. Слухи о том, что еще во время первой волны колонизации в окрестностях нынешней Малелы упал то ли метеорит, то ли чужой звездолет, ходили давно. Правда, фактов, свидетельствующих о правдивости рассказов, не было, а очевидцы, если и имелись, давно умерли. Да и вообще, переться в джунгли, наполненные хищниками, змеями и одичавшими негритянскими племенами, желающих не находилось. Но в последний год то там, то сям начали всплывать странные вещицы, изготовленные точно не человеческими руками. Исчезали они так же быстро и таинственно, как появлялись. Скорей всего, контрабандным путем утекали за пределы Новой Либерии.

Экспедицию, в которой участвовал Алекс, организовал какой-то частный фонд с Земли. Состояла она наполовину из ученых, наполовину из наемников. Плюс двое проводников, один из племени таха, другой из племени киафу. Вообще-то таха и киафу смертельно враждовали, но ради обещанных золотых кордоб проводники были готовы забыть о вражде и любить друг друга как единоутробные братья.

Больше месяца группа бродила по джунглям, не находя даже малейших следов звездолета, зато добывая множество приключений на задницу. Проводники начали помаленьку ссориться. Наемники укоряли ученых в неприспособленности к странствиям, те наемников – в полной бесполезности и адской прожорливости. Все вместе проклинали климат, вонючую воду и насекомых. Начальник экспедиции, видя, что дело идет к бунту, приказал поворачивать домой.

Тут-то они и наткнулись на искомое. По чистой случайности – буквально уперлись носом в искореженные, покрытые чешуйками лилового нагара металлические конструкции. Растительность так плотно затянула инопланетный корабль, что можно было пройти в десяти метрах от него и ни черта не увидеть. Да и так, вплотную, форма и даже точные размеры звездолета оставались загадкой. Было лишь ясно, что он огромен и частично погружен в почву.

Исследователи воспряли духом, наемники вновь заговорили о яхтах и женщинах, которых купят на заработанные денежки. И только проводники выказали единодушную суеверность. Из их трусливого лепета можно было понять, что кто-то ужасный обязательно накажет всех, прикоснувшихся к «небесному железу». Разумеется, эту чушь никто слушать не стал, а чтобы негры не сбежали, их пристегнули наручниками к какой-то тяжелой инопланетной болванке.

То, что предупреждение проводников – чистая правда, выяснилось уже к вечеру. В сумерках от корпуса звездолета вдруг отделились не то механизмы, не то организмы – будто кишечнорастворимые отпочковались. Отделились и стремительно двинулись к людям. Были они, пожалуй, человекообразными – это единственное, что успел рассмотреть Алекс. Первыми жертвами порождений корабля стали проводники. Они в мгновение ока были разорваны на клочки. Затем пришел черед наемников, которые отважно открыли по монстрам огонь. Инопланетных созданий не брали ни пули, ни высокотемпературные плевки запрещенных на Новой Либерии плазмоганов. Дальнейшее осталось для Алекса тайной. Он так припустил сквозь джунгли, что ветер в ушах засвистел. Хотя, возможно, это были выстрелы чужанского оружия, посланные ему вслед.

Он бежал всю ночь и остановился, только влетев в непроницаемое переплетение скользких ветвей и листьев. Это и оказались ядовитые кустарники. С трудом, преодолевая дикую боль, Алекс выбрался из едкой западни и потерял сознание. Очнулся в лодке. Его подобрала таха из племени Потрясающего Пальмы, когда он полз по берегу Касангеша, завывая, будто рожаящая самка гиппопотама. Потом Алекса много раз передавали с рук на руки, шумно торгуясь. Кажется, собирались за него выручить приличные деньги у белых обезьян из Малелы. Так оно, в общем, и получилось – в миссии ООН последним владельцам бедолаги отсыпали десятка два полновесных кордоб.

Больше ни один участник экспедиции из джунглей не вышел. Сам Алекс, подлечившись, собирался улететь с Новой Либерии куда подальше. Аванса ему должно было хватить на пару-тройку лет безбедной жизни, а вот показываться на глаза представителям Фонда, организовавшего экспедицию, он не собирался. Боялся, что снова отправят на поиски проклятого звездолета. Уже в роли проводника. То есть на верную смерть.

Когда Вадим на другой день попытался расспросить Алекса об экспедиции еще раз, тот взглянул на него, как на умалишенного.

– Но ты же сам вчера говорил, что влез в ядовитые кусты, спасаясь от инопланетных охранников, – напирал Косинцев.

– Обалдеть! Это я такое сказал?

– Ну да.

– Не бери в голову. Я вчера Натку Три Резинки в процедурной поймел. Хорошо так, с чувством. Она на радостях мне два укола морфина вместо одного засандалила, вот я и нес всякий бред.

– А где же ты тогда обжег лицо и руки?

– Где-где... Жил я с одной местной девочкой-киафу. Долго. Ну, она и решила, что можно о свадьбе поговорить. Я, естественно, сразу с ней распрощался. А она злопамятная оказалась! Купила у какого-то местного колдуна банку с соком ядовитой лианы и выплеснула на меня. Так-то, брат. Мой тебе совет, не путайся с местными сучками. Дикае твари...

* * *

Когда Вадиму через полторы недели позволили наконец-то покинуть госпиталь, он бросился прочь едва не бегом – жутко хотелось повидаться с друзьями и даже командирами. Древние записи американских программ и лежалые фильмы успели так надоесть, что вызывали тошноту. Болтовня Алекса приелась. И даже Ната Три Резинки, которая водила его в процедурную не только с медицинскими целями, порядком прискучила. Бесконечные рассказы медсестры о пятерых детях утомляли сильнее дагонской жары.

У высокой ограды миссии он заметил машину с Лешкой за рулем. Тот сочувственно улыбнулся и посигналил, стараясь придать встрече бодрый характер. Вадим молча прыгнул на соседнее сиденье, и белый джип с синей англоязычной аббревиатурой вырулил за высокую металлическую ограду.

– Не думали, что ты так скоро, – сказал Алексей.

– Михайлов еще раньше обещал выпустить. Но потом передвинул срок. А что не навестили?

– Извини, брат, дела неважные... Аборигены за власть борются, только набедренные повязки заворачиваются. Мы все время в нарядах, продохнуть не успеваем. Командир запретил тратить время на прогулки и прочее. Спим, патрулируем северную окраину и жрем двойной паек. За КПП по одному вообще не выпускают.

– А как ты сюда сумел выбраться?

– Я же на «фирменной» машине. ООНовцев пока не трогают. Понимают, что даже если сменится власть, придется сотрудничать...

Было уже одиннадцать, солнце успело подняться почти к зениту. Пропыленные улицы опустели, даже привычные к местному климату дагонцы поспешили убраться под крыши – те, у кого они были, конечно. Остальные жались в тених тощих пальм, открыв рты, и провожали машину с надписью KFOR пустыми и одновременно внимательными глазами. Большинство из них – представители чуждого президенту клана таха. А значит, не могут рассчитывать в столице ни на приличную работу, ни на жилье. Это позволено только соплеменникам президента из клана киафу.

Как утверждали дагонские политики, большинство бездомных – соглядатаи, поставщики информации для боевиков из восточных районов Дагона. Правительственные войска порой проводят фильтрации, выдворяя нищих из Малелы, но ненадолго – скоро те, как плесень в сыром подвале, опять выползают на улицы города.

Ближе к окраинам стали попадаться скучающие патрули из «голубых касок», большей частью на бронемашинах.

– А как та банда, что прорывалась через мой блокпост? – спросил Вадим.

– Кто ж ее знает? Один джип вы расстреляли любо-дорого, но был еще как минимум один, который доехал до Малелы. Трупов или раненых на месте боя не нашли. Значит, где-то здесь хоронятся. Где их теперь найдешь? Рассеялись по щелям, чернота... Машину загнали в какой-нибудь сарай, и все. Слышь, Вадим, извини, что интересуюсь... Дело, в общем, коман-

дирское, но ребята все равно не отстанут. Как все было-то? Почему какие-то дикари четверых профессионалов как салажню отделили? Хорошо хоть не до могилы...

– Вечером в казарме расскажу. Если особист позволит, – буркнул сержант. Ему было стыдно. – Может, в форме песни. Типа письмо солдата, пишущего девушке на Землю. Я уже первую строчку придумал. «Привет тебе, моя родная, пишу простреленной рукой...»

– Ну ладно, – с сожалением протянул Леха.

Гадать, что будет по прибытии к месту дислокации, Вадим не стал. И так ясно, что придется писать подробный рапорт о перестрелке. Предстояло долгое и муторное разбирательство.

Алексей свернул на узкую окраинную улочку, заваленную по обочинам мусором, и вскоре проехал через тяжелые ворота под российским флагом. Солдат на КПП приветственно махнул рукой и поправил на плече «Параллак».

В дежурке Вадим доложил о прибытии и замер перед мрачным особистом, подполковником Ревенко. Тот, не глядя на сержанта, постучал по столу карандашом. Затем кивнул на стул неподалеку, среди нагромождения спутниковой радиоаппаратуры.

– Пиши рапорт, Косинцев. Подробный. Очень подробный, для Москвы.

Вадим внимательно осмотрел стол. Ни компьютера, ни даже цифровой планшетки не обнаружилось.

– А на чем писать-то, товарищ подполковник?

– На бумаге, сержант. Я же сказал – для Москвы. Через А-канал отправим.

Вадим промучился до полудня, исписал три листа бумаги, перечитал. Вроде все правильно. Недаром потрудился, аж пальцы сводило – те, которыми стискивал графитовый карандаш.

– Гуляй, до двух часов свободен, – сказал Ревенко, забирая рапорт. – Потом к командиру.

Вадим провел оставшееся время словно рыба в обмелевшем водоеме – из спортзала, оборудованного в закутке подвала, в столовую, затем во дворик части, где не пробыл под солнцем и минуты. И обратно в казарму, где спали после ночного дежурства солдаты. Вадим был рад, что никто не донимал его расспросами, будто не замечая. Неужели они винят его в ранении товарищей? Ведь он был старшим суточной смены на блокпосте...

Без пяти два он уже стоял у двери командира. Появился с минуту и постучал.

Полковник Петунин был не один, рядом с ним сидел американец, тоже полковник. Однако выпроваживать сунувшегося внутрь сержанта командир и не подумал.

Американец имел весьма представительный вид, но особенно поразила Вадима его благородно-седая шевелюра. Слегка снисходительно поглядев на Вадима и что-то сказав по-английски, америкос протянул ему пачку «Winston».

– Спасибо, – пробормотал Вадим и отрицательно покачал головой. «И как я не заметил его машину на стоянке?» – недоуменно подумал он.

– Ты садись, садись, – пробасил Петунин, и Вадим неловко пристроился на край вертящегося кресла, не решаясь втиснуть крупное тело между тесными подлокотниками, чтобы не погнуть их. – Вот, это самое... познакомься с полковником Велтенбрандом из штаба группировки. Ветеран KFOR, вроде меня.

Вадим скованно кивнул.

– Командование KFOR поставило перед нами задачу, – продолжал командир. – Важную, это самое, задачу. И секретную. Мы посоветались и решили определить тебя в команду из трех человек. Такой небольшой интернационал. Поясню, почему тебя. Во-первых, ты калякаешь по-французски, а значит, сможешь при необходимости объясниться с местным населением. Во-вторых, на разговорном уровне владеешь английским, а твои будущие коллеги свободно говорят на нем. В-третьих, у тебя серьезный боевой опыт, в других горячих точках из всего сержантского состава побывал только ты. Оружием владеешь в совершен-

стве... Кроме того, и это, не скрою, главное, – ты окончил диверсионную школу ГРУ. Правильно?

Вадим неохотно кивнул. Про трехмесячное обучение азам диверсионного дела во время действительной армейской службы он не признавался никому. Подписка о неразглашении – серьезная вещь, с ней не шутят. Но сейчас отпираться было бесполезно.

– В общем, подходишь по всем параметрам, – завершил Петунин.

– Для чего подхожу? – кашлянув, спросил Вадим.

– А вот это нам сейчас американский коллега покажет и расскажет.

Он встал, и вслед за ним поднялся и Велтенбранд, все это время попыхивавший сигаретой. Все трое прошли к стене, на которой висела крупномасштабная карта Дагона.

– Операция разработана штабом группировки и носит, повторяю, самый секретный характер, – сказал Петунин. – Отказ от участия, ясен пень, не принимается. Особенно от тебя. Происшествие на блокпосте целиком на твоей совести, как бы ты ни оправдывался в рапорте. Так что слушай и запоминай.

Американец вынул из кармашка дорожную перьевую ручку и стал медленно, простыми словами объяснять задачу. Вадим внимательно слушал, отодвинув подальше недоверие и сомнение в своих силах. Последнее отодвигалось очень неохотно.

Трем опытным военным из состава планетной группировки – ему, французу и штабному – предстояло на вертолете совершить рейд к восточным районам Дагона, где окопались вожди клана таха. По данным разведки, те оборудовали несколько оружейных складов в джунглях и набирают по деревням армию, чтобы в удобный момент выступить на Малелу и свергнуть законного президента.

Объединенная диверсионная группа должна высадиться неподалеку от города Касонго и покончить с главным подстрекателем волнений таха. Это гарантированно обезглавит восстание.

– Но это восстание и так не имеет смысла! – не выдержал Вадим. – Правительственные войска с согласия ООН все равно подавят его. Они расстреляют бунтовщиков еще на подходе к столице.

– Вот как раз этого мы бы хотели избежать, – мягко ответил американец. – Такие действия слишком накалят обстановку в стране. Как не допустить подобный сценарий? Понимаете, сержант, провести армейскую операцию на территории чужой страны и тем более планеты мы не можем без прямого указания ООН. Мы же миротворцы, а не ястребы. А ждать такого решения долго. И еще не факт, что оно будет принято. Значит, остается диверсия, о которой на Земле попросту не узнают.

– У нас в части, кроме тебя, никто не проходил специальную подготовку, – влез с репликой Петунин.

– Я был не самым лучшим на курсах, – несмело возразил Вадим. – Примерно вторым с конца по успеваемости.

– Неважно. Запись в личном деле есть, и достаточно. Главное – ты знаешь, как незаметно прикончить врага...

– Товарищ полковник, но я ведь белый! О какой незаметности вы говорите?

– Ты, Косинцев, это самое... Ты не умничай. Белый он! Я тебя не заставляю к этому бунтовщику в адъютанты устраиваться. Скрытно подведешь группу, определишь цель, скомандуешь снайперу-французу «огонь». Так же скрытно отойдете. «Вертушка» вас примет. Все дела.

– Почему бы не выписать с Земли профессиональных диверсантов? – продолжал гнуть свое Вадим. Лезть очертя голову в джунгли и гоняться за каким-то влиятельным негром ему очень не хотелось.

– Что ты упираешься? – начал свирепеть полковник. – В наблюдательных комиссиях ООН не дураки сидят. Стоит нам спустить с орбиты дополнительную группу военных из какого-нибудь спецподразделения, начнут копать, что да почему. По-твоему, нам не хватает только межпланетного скандала? Да и время поджигает, того и гляди начнется настоящая война. Бюджет KFOR тоже не резиновый, чтоб для умирения каждого бандита супер-диверсантов выписывать. В общем, хватит болтовни. Пойдешь командиром группы, и точка! Возражения есть, сержант Косинцев?

– Никак нет, товарищ полковник!

– То-то же. Продолжайте, мистер Велтенбранд.

– Так вот, лидеры таха имеются чуть ли не в каждом селении на востоке Дагона, но это мелочь местного разлива. Главный и самый опасный всего один. Некто Черный Шаман. Он окопался в Касонго. – Велтенбранд ткнул в точку на карте. – Остальные – родовые князьки, чья власть кончается на границе их поселка. Многие из них, как докладывает разведка, втайне осуждают Черного Шамана, но открыто противодействовать не решаются. Иначе он их тут же раздавит, как жуков. План операции такой...

* * *

Вадим вышел от командира с гудящей головой. В ней роились десятки дагонских названий, об которые можно было сломать не только язык, но и мозги.

Потом он подбирал на складе экипировку и вооружение, руководствуясь длинным списком.

– На войну, что ли, собрался? – хмыкнул каптерщик.

– Мы и так на войне, – поддержал его Вадим. – Давай, проверим, что тут у тебя есть.

От бронежилетов было решено отказаться, они диверсантам ни к чему. Комбинезон с сотней кармашков Косинцев подобрал сразу, сложнее пришлось с боеприпасами. Петунин и Велтенбранд решительно запретили брать современное оружие. Только пулевое. «Не хватало еще, чтобы плазменная винтовка попала в руки мятежников! Представляешь, что они могут натворить с такой пушкой? А парализатор тем более бесполезен. Пойми, вы отправляетесь убивать!» Вот и приходилось брать патроны. Их получалось многовато, и Вадим заранее чувствовал, как они будут оттягивать плечи.

Больше двух часов он провозился в тире с ТТ. В джунглях этот мощный пистолет почти бесполезен, но в условиях саванны сгодится. Конечно, Вадим предпочел бы другой пистолет, более современный, если бы не приказ полковника. Заодно сержант выбрал себе модернизированный «Калашников» и быстро пристрелял его. С другой стороны, зачем диверсанту автомат? Они же не собираются, как фашисты в давние времена, выкашивать целые деревни, поливая их из трех стволов.

Впрочем, в современном Дагоне этот номер все равно не пройдет – живо прикончат отравленной стрелой. Или на копье насадят, если в ближнем бою. Нынче никто не боится белого человека с ружьем, как в древности.

Зато сейчас у этого человека есть десяток гранат для подствольника, две сотни патронов калибра 5,45, два запасных магазина к ТТ, нож-пила. А также спички, репеллент и упаковка с обеззараживателем воды. Остальное, по словам американского полковника, потащат на себе напарники. Интересно, что еще нужно в таком походе?

ГЛАВА 3

Они встретились на рассвете, на вертолетной площадке группировки. Площадка была скрыта высоченным бетонным забором, чтоб не мог сунуть нос ни один местный. Из приземистого ангара, взрыкивая двигателем, выкатился тягач, транспортирующий потрепанный Ми-66 с наклеенным на борту дагонским флагом, и одновременно с этим Вадим спрыгнул с подножки джипа.

От других машин к вертолету уже шли два человека в такой же, как у него, экипировке без знаков различия. Двое из тройки диверсантов напоминали земных солдат только белым цветом кожи – никаких опознавательных знаков на форме не было. Третьим был негр.

– Ну, это самое... с богом, сержант, – сказал Петунин, слегка приобнимая Вадима и хлопая его по плечу. – Вернешься – к ордену представлю, – с невеселым смешком добавил он, но Вадим не оценил шутки. – А не вернешься, так уж наверняка.

– Я вернусь, – повторил он слова, когда-то сказанные Эльзе, и двинулся к допотопному летающему монстру.

Мысли у него в голове бродили не самые радостные. По его мнению, отправлять диверсионную группу в вертолете, который сперва должен обстрелять оружейные склады мятежников – верх бестолковости. Диверсантам нужна скрытность, а штурмовик наведет шороху – мама не горюй! С другой стороны, так же могут думать люди Черного Шамана. И, стало быть, не сообразят, что штурмовик вдобавок доставил отряд беспощадных ночных убийц.

Нет, все равно ерунда! А для чего взяты бойцы из разных подразделений? Может, для того, чтобы связать все три стороны KFOR круговой порукой? Н-да, похоже, дела и впрямь идут отвратительно, раз командование миротворцев устраивает авантюры, больше похожие на клоунаду, чем на боевую операцию. Или все еще хуже, и дебилизм задания объясняется тем, что у военного руководства от либерийской жары мозги превратились в кисель.

Троица встретилась уже на борту вертолета, замаскированного под машину Правительственных войск Дагона. Ни цветом, ни опознавательными знаками «вертушка» не отличалась от тех развалюх, что до сих пор эксплуатировались местной армией.

– Вадим! – весело вскричал черный боец, и только тут сержант понял, что перед ним Ирвин Хэмпстед собственной персоной. Афроамериканец задорно скалился. – Извини, кока-колы не захватил.

– Ничего, – улыбнулся Вадим. – В ручье пойло не хуже. У меня и таблетки есть.

Вторым напарником оказался рослый и загорелый, как все тут, француз по имени Люсьен. Это и был снайпер. Впрочем, вид у него был настолько добродушный, что казалось, надень он рясу – и готов кюре в каком-нибудь деревенском приходе.

Разговаривать в ревущей машине было несподручно, и все трое прижались к мутным иллюминаторам. Солнце уже показалось над джунглями, и чувствовалось, что сегодня оно будет таким же свирепым, как всегда.

– Поехали! – крикнул пилот по-русски и плавно поднял машину.

Круто развернувшись на высоте в десяток метров, Ми-66 рванулся к реке. Лететь предстояло над нею. Внизу мелькнули задранные лица военных, некоторые махали вслед вертолету.

Но Вадим этого уже не видел, сосредоточившись на проносящемся внизу пейзаже. Последние халупы нищеты быстро кончились, машина снизилась до нескольких метров и вырвалась на простор. Ширина реки тут была метров тридцать, и заросли сплошной стеной подступали к ней. Только кое-где мелькали делянки земледельцев, но и они быстро сошли на нет.

Вадим осмотрелся. Судя по всему, Ми-66 оставался обычной машиной только снаружи. Внутри он был значительно усилен, причем не только броневыми конструкциями, но и путем навески дополнительного вооружения. Слева располагалась турель пулемета, а справа малокалиберная пушка, управляемая из кресла второго пилота. Прямо посреди «салона» вспучивался кожух ракетной установки. В тот самый момент, как Вадим решил рассмотреть ее поближе, кронштейны по бокам пришли в движение и весь механизм провалился вниз, вырастая под брюхом вертолета смертоносным жалом. Словно сговорившись, Ирвин и Люсьен напялили наушники и заняли боевые позиции – негр за носовой пушкой, а француз откинул крышку панели ракетной установки. Вадим давно знал, что коллеги будут уничтожать цели без него, и все же ему стало немного обидно.

Конечно, приятно, что командование доверило тебе общее руководство и самую важную часть операции, но пострелять-то охота! Когда еще доведется пальнуть настоящей управляемой ракетой? Носовая пушка служила скорее бутафорским целям – она должна была по возможности замаскировать залп из ракетного оружия, которое и поразит цели. Пусть деревенщина-таха удивляются, как у проклятых киафу получилось разнести укрепленный и запрятанный под землю склад очередью из обычной 20-мм пукалки.

Через десять минут поступил сигнал с одного из спутников, и ракетная установка получила уточненные координаты цели. Это было всего лишь страховкой – разведка наблюдала с орбиты за перемещениями таха в течение месяца.

За вертолетом тянулся длинный след взбаламученной вихрем воздуха воды. Прибрежные заросли гнулись и мотались. Слева по борту мелькнуло место слияния Касуку и Ломами, а между ними, на остром мысе – мелкий городок Макунза. Вадим не сомневался, что любой его житель разглядел на боку вертолета нужный знак. Наверняка сейчас кроют на все лады сволочей-киафу!

Через пять минут пилот сбросил скорость и развернулся носом к высокому берегу, поросшему кустами. Фигура Ирвина скрючилась в напряжении. Корпус машины вздрогнул несколько раз, донеслись едва слышные за ревом мотора хлопки разрывов. Берег вздыбился и словно поплыл – в небо взлетели клочья глины, обломки веток, листья. Похоже, внутри крошечных 20-мм снарядов скрывалась далеко не стандартная начинка...

И все же это было лишь отвлекающей шумихой.

Пилот поднял машину выше, одновременно заходя к берегу с востока. За косогором начинались заросли погуще, и там-то в действительности и находился вход в пещеру. Хитрые негры пытались спрятать его за скальным обломком, но для ракет это не препятствие.

Заглушенная беспорядочной пальбой Ирвина, кассетная ракета Люсьена оторвалась от днища вертолета почти бесшумно, невидимой иглой ушла вниз, чтобы распастись через секунду и по частям просочиться под землю. Пилот тотчас кинул машину обратно к реке, стремясь снизиться и отлететь подальше. За спиной рвануло так, что аппарат швырнуло вперед, чуть не припечатав к воде, но летчику удалось мгновенно выровнять его. Поверхность воды задрожала от обломков, валяющихся с неба.

Вадим, до побеления суставов вцепившийся в поручень, расслабился и вытер внезапно вспотевший лоб.

– Un-fucking-believable! – перекрывая гул моторов, вскричал Ирвин и поднял большой палец. Они с Люсьеном обменялись хлопком ладонями, и после секундного замешательства Вадим повторил этот жест с подчиненными. Как будто утку на охоте подстрелили, а не взорвали склад с боеприпасами. Хорошо еще, если разведка не ошиблась и они действительно разгромили военный объект таха. А если дальше все окажется не так?

Вадим обратил внимание, что Ирвин глядит на француза с порядочным удивлением и незаметно потирает отшибленную ладонь. Заметив взгляд Косинцева, негр уважительно покачал головой. В самом деле, рука у Люсьена оказалась на редкость тяжелой.

Вертолет тем временем оставил реку и повернул на северо-восток. Там, в сорока километрах от разгромленной пещеры, находился следующий намеченный к уничтожению объект. Если дело пойдет так же быстро и успешно, за час-два можно управиться со всеми, а затем и приступить ко второй фазе операции.

Прибрежные джунгли поредели, местами появились проплешины саванны с пасущимися на ней стадами антилоп. Заслышав гул винтов, животные срывались с места и мчались куда попало, уходя с дороги машины. Напарники, да и пилот дурашливо смеялись, изображая стрельбу из всех бортовых орудий и пулеметов.

Мелькнув в поле зрения поселян – чтоб запомнили бортовой знак – вертолет зашел на объект, и ситуация повторилась. За исключением того, что стрелять пришлось по центру довольно густого леса, а прятаться было негде. Так что взрывная волна настигла машину, когда она рвалась вверх и в сторону от эпицентра. Но пилот был настоящим асом и за секунды выправил крен.

Впереди оставалась точка под Лусангой – самый удаленный от столицы склад оружия, почти на тракте, соединяющем Дагон с восточным соседом.

* * *

Там-то и ожидал диверсантов сюрприз. Не успели они сделать показательный пролет в пределах видимости поселян из Лусанги, как из зарослей ударила автоматная очередь. Пули зашелкали по бронированной обшивке вертолета, один из иллюминаторов покрылся тонкой сетью трещин, разбегающихся от пулевого «глазка».

– Черт! – в полный голос выругался пилот и резко добавил высоту, стремясь уйти от опасных кустов. Судя по всему, связью обладали не только налетчики, но и повстанцы – местных успели предупредить, что к ним в гости летит винтокрылая смерть.

– Постреляем? – прокричал Люсьен на корявом английском и так оскалился, что показались идеально белые зубы.

Ирвин уже поливал из носовой пушки малоприметное скопление деревьев – среди них, если верить спутнику, располагался вход в пещеру.

Внезапно с этого же направления в сторону вертолета скользнула толстая дымная спираль, и в следующую секунду тяжелый удар сотряс машину. Она клюнула носом и стала заваливаться набок. Пилот направил вертолет прочь на максимальной скорости. Вадим вцепился в поручень обеими руками и сквозь задний иллюминатор увидел новую вспышку. Одновременно Люсьен со страшными проклятиями надавил на гашетку, посылая в цель одну за другой две ракеты вместо одной. Он явно сорвался с катушек, выкрикивая угрозы по адресу всех новолиберийцев на свете. Вадим со своим школьным французским и слов-то таких не знал.

Тут же в корпус уходящей машины ударил второй снаряд, заставив ее рыскнуть. Точно гигант напал на могучим пинком. Пилот не сдавался, тянул и тянул вертолет все дальше. Параллельным курсом прошла дымовая стрела, тоненькая и совсем не страшная. Совершив кульбит, развернулась, устремилась навстречу вертолету, нырнула куда-то под брюхо. В тот же миг стекло перед пилотом брызнуло осколками. В салоне засвистел ветер. Пилот свесил набок голову, и Вадим отстраненно заметил струйку крови на его шее.

– Fucking shit! – взревел Ирвин. Словно обезьяна, он выбрался из кресла и полез прочь из кабины.

Вертолет, вращаясь, падал по пологой траектории параллельно земле. Совсем не так, как в фильмах, а будто лениво раскрутить последний смертельный волчок. Верхушка пальмы со скрежетом вошла в салон, зацепила ногу Вадима жесткими листьями и тотчас сломалась.

Грузно, медлительно и словно нехотя когда-то могучий и смертоносный аппарат рухнул на хвост, подминая под себя яркую растительность. Птички и мелкая живность прис-

нули в стороны. Последовал еще один удар от мстительного обломка пальмы, которая распрямилась, немного подбросив тело мертвого механического гиганта, и наступила полная тишина.

– Жив кто-нибудь? – сипло проговорил Вадим через минуту. Все мышцы отчаянно болели, а отбитые о переборку ноги вообще отказывались шевелиться. Взгляд наткнулся на искореженный «АК». Приклад у автомата был аккуратно, будто кусачками отделен от цевья, и свисал на ремне в рваную дыру в днище вертолета. Вадим выругался.

С противоположной стороны салона, из месива пальмовых листьев, донеслось сдавленное сопение, и наружу высунулась черная, потная физиономия Ирвина. Глаза его, распахнутые до предела, сверкали словно плоски с горящими фитилями.

– Пора сматываться, командир, – сказал он. – Или засаду устроим?

– Спятил? Нет у нас такой задачи. Эй, Люсьен! Жив, что ли?

Француз не ответил. В сердце Вадима шевельнулся холодный червячок. Он видел, с какой скоростью верхушка пальмы врезалась в машину, проткнув салон насквозь. А Люсьен сидел посредине, вцепившись обеими руками в турель ракетной установки...

– Черт, что это за хрень собачья? – пробормотал Косинцев.

Француз был мертв – ствол дерева пронзил его грудь насквозь, и у солдата не было никакого шанса выжить. Но главным было вовсе не то, что Люсьен погиб. Да и погиб ли в действительности? Между рваных краев сквозной дыры в его груди виднелось месиво блестящих полимерно-металлических внутренностей. Там что-то искрило и пованивало, наполняя салон вертолета запахом жженого пластика.

Одна из ветвей задела андроида по лицу, содрав крупный пласт искусственной кожи вместе с глазницей. Слегка выщербленный металл головы казался матовым, словно закаленным. На лбу из-под содранной кожи виднелась надпись «KFOR property». На месте пострадавшего глаза виднелся телескопический штырь с линзой оптического приемника. Содранный кусок кожи, с которого капала какая-то зеленая тягучая жидкость, так и болтался нашипленным на ветку – она прошла сквозь бывшую глазницу.

– Fucking gay... – услышал Вадим шепот черного соратника. – Что это за терминатор?

– Спроси у своего командования.

– Почему это у моего? А твое не причем, что ли?

– Да потому что наши не умеют таких монстров делать, от людей неотличимых.

– Да ну... А предупредить нас не могли? То-то я смотрю, у него мышцы как стальные и одна лапа весит, как моя тетушка. А это универсальный солдат, оказывается! Абсолютное оружие, мать его.

– Я лично рад, что его прикончило пальмой. Не доверяю роботам, тем более, замаскированным под человека. Наверняка у него было задание убить после Шамана и нас. Как опасных свидетелей.

– Перестань меня пугать. Все роботы подчиняются Первому Закону и не могут причинить вреда людям.

– Что ты несешь? Забыл, как он шмалял ракетами по складам мятежников? Это не кибер-няня, а машина для уничтожения. Дестроер, понял? Проверь-ка, что там с пилотом.

Вадим нашарил под растительным месивом вещмешок и винтовку Люсьена. В мешке должны были находиться консервы и боеприпасы к AP-48. Это была хорошая натовская автоматическая винтовка с оптическим прицелом и подствольным гранатометом. Вторая такая же имела у Ирвина.

Хэмпстед все еще ковырялся в кабине.

– Ну? – резко спросил сержант.

– Погиб, – отозвался Ирвин. – Осколки попали в голову и грудь. Shit!

– Он-то хоть человек?

– Вроде да. Кровищи с ведро натекло!

– Забери у него карту и сваливаем.

Коротким ударом ноги Вадим выбил дверцу, которую перекосило, но чудом не заклинило напрочь. Под брюхом вертолета тяжело плескалось растительное море – не такое густое, как в джунглях, но и не соломенно-желтое и колкое, как в саванне. Что-то среднее, но наверняка кишашее змеями и насекомыми вроде ядовитых пауков.

Увесистый вещмешок бухнул по ногам, когда Вадим прыгнул. Тотчас по телу прокатилась тупая боль – ни мышцы, ни кости еще не отошли после жесткого столкновения вертолета с землей. Следом из разбитой машины вывалился Ирвин. Кажется, американец чувствовал себя неплохо, хоть и хмурился, кривя толстые губы.

– Жалко, пушку с собой не заберешь. Боезапас не весь расстреляли, – сообщил он. – А где твой автомат?

– Конец автомату. Там оставил.

Они отошли на несколько десятков метров от поскрипывающей машины.

– Подствольник к бою, – хмуро приказал сержант. – Двух гранат должно хватить. Засадишь в топливный бак и под брюхо, чтобы ракетную установку наверняка уничтожить. Да шевелись.

Он прислушался к природным шумам, но ничего подозрительного не уловил. Разве что птицы, оправившиеся после падения вертолета, вновь начали замолкать, будто их что-то пугало. Ирвин навел AP-48 на далекую уже машину и выстрелил.

Столб огня взметнулся к небу, охватывая ближайшие пальмы и траву. Над головами взвизгнули осколки, сверху осыпались срезанные ими листья.

– И одной хватило, – проворчал Ирвин и криво осклабился. – Боезапас рванул. Прощайте, ребята... То есть, пилот.

– Мы достойно похоронили его. И этого монстра, надеюсь, тоже.

– Сувенир остался! – Ирвин помахал искусственной кожей с черепа андроида и вновь спрятал его в самом дальнем кармашке обмундирования.

– Выброси эту гадость... Сгниет же.

– Вот еще. Биопластик не гниет! Внукам буду показывать. Ну, что дальше?

– Будем выполнять боевую задачу.

– После всего, что произошло? Вы, русские, настоящие герои, – неодобрительно проворчал Ирвин.

– Ну так! К тому же я, брат, влип по уши. Не грохнем этого Шамана, на меня столько собак навешают, что не миновать трибунала.

ГЛАВА 4

К полудню маленький отряд диверсантов отмахал по редколесью километров пятнадцать. Идти приходилось быстро, по возможности избегая открытых пространств. И не только потому, что не хотелось будоражить стада антилоп – ведь любой следопыт из местных по реакции животных легко вычислит чужаков. Вадим всерьез опасался крупных тварей типа гну или слонов. Мало ли что взбредет в голову дикому зверю? Отстреливайся потом, попусту расходуя боеприпасы.

Содержимое мешка сержант поделил на две равные части: консервы отдал Ирвину, а снаряжение к AP-48 оставил себе. Было тяжело, и почти весь путь прошел в каком-то липком мареве, застилавшем глаза. Да и ладно, зато о гибели пилота и провале задания думать было некогда.

В полдень устроили привал, выбрав крохотную полянку – с одной стороны ее прикрывал взгорок, а с другой – густое переплетение тонких лиан, утыканных колючками величинной с палец. Север, откуда могла появиться погоня, просматривался через редкую поросль. Снаружи диверсантов не было видно, зато застать их врасплох у врагов не получится.

– Как думаешь, вдвоем справимся? – спросил Ирвин. Пожевав консервированного мяса, он глотнул из фляжки воды, тщательно отмеряя остаток, и развалился на склоне пригорка.

– А куда нам деваться?

– Жалко только, связи нет. А то бы доложили обстановку по всей форме. Что теперь командование подумает?

– Ничего хорошего, – согласился Вадим. – С орбиты примутся высматривать, остолопы. Или вышлют еще один вертолет на поиски. Хотя это вряд ли, побоятся потерять и его. Место аварии со спутника точно увидят, а там одни обгорелые обломки. Ясно, все мертвые. В общем, друг, мы с тобой погибли смертью храбрых, так и напишут родным и близким.

Было удивительно тихо, только новолиберийские насекомые, ничуть не боящиеся человека, в полном согласии с вековой генетикой, продолжали скрипеть, пиликать и шелестеть надкрыльями. Похоже, на них жара не действовала. Дико хотелось пить, но сержант сдерживался и не припадал к фляге. Им до сих пор не встретилось ни одного ручья, и кто знает, может, придется идти до самой Касангеши, чтобы напиться. А это еще сорок пять километров.

Вадим надеялся, что им удалось сбить с толку возможных преследователей. Если даже те и заподозрили, что в катастрофе кто-то выжил, то могут подумать, будто проклятые «киафу» двинулись на запад, к своим. Размышлять о том, что где-то за ближайшим деревом крадется таха с автоматом или духовой трубкой, не хотелось. Тогда диверсантам ничто не поможет – пристрелят так быстро, что и понять ничего не успеешь. Чтобы воевать с неграми в джунглях, надо хотя бы научиться этому. А кто станет готовить из солдат KFOR настоящих диверсантов, если это противоречит политике ООН?

Вадим и не заметил, как задремал под мерное гудение каких-то жуков. Проснулся он от негромкого голоса Ирвина – зато сразу, готовый к отражению атаки. Руки рефлекторно сжали автоматическую винтовку Люсьена – про ТТ Вадим и не вспоминал.

– ...Идем, что ли? – спросил американец. – Вроде все тихо. Хорошо бы воду найти.

* * *

На воду наткнулись часам к пяти вечера. Как Вадим ни крепился, фляжка к этому моменту была уже пуста, а пить все равно хотелось нестерпимо. Позади лежали двадцать пять километров джунглей, причем с каждым шагом они становились все более густыми и все менее проходимыми.

Когда между кустов блеснула змейка ручья, полузаваленного корягами и почти затянутого вездесущими шипастыми лианами, оба диверсанта едва не бросились руками разгребать препятствие.

– Подожди, Ирвин, – опомнился Вадим. – Там могут быть водяные змеи.

Негр замер и отодвинулся от ручья, в который уже готов был погрузить руку с пустой фляжкой.

– Что ты предлагаешь? Пугнуть их из пистолета? Или наловить трусами, чтобы сварить?

– Фонаря хватит. – Вадим направил в переплетение слепящий галогеновый луч. Если там и гнездились какие-то твари, яркий свет должен был обескуражить их. – Теперь набирай. Или я ошибся, а ты собирался наловить змей? Тогда лучше метнуть в ручей гранату.

Подсвечивая Ирвину, чтобы держать водных тварей в отдалении, он сухо сглатывал несуществующую слюну. Вскоре американец заполнил фляжку и тут же бросил в нее таблетку обеззараживателя. Фляжку поделили на двоих. Влага пропитала горло, пищевод и стенки желудка, возвратив силы измотанному марш-броском организму.

Еще две банки консервов были съедены за минуту – и пустые жестянки бесследно пропали на дне.

Пару километров диверсанты прошли на запад вдоль хилого потока воды, никак не в силах расстаться с ним. И все же это пришлось сделать – их путь лежал на юг, в сторону Касонго, главного поселка клана таха, где обитал Черный Шаман. Сопровождаемые переличками невидимых среди ветвей обезьян, они упорно пробирались к цели.

* * *

На ночевку решили остановиться в девять часов вечера, когда сил идти дальше совершенно не осталось. Солнце спряталось за верхушками пальм, но прохладнее не стало. Откуда-то налетели москиты и принялись с яростью набрасываться на диверсантов. Репеллент помогал мало, его быстро и без остатка смывал пот.

«Неужели их тоже привезли сюда первопоселенцы? – думал Вадим, ожесточенно отмахиваясь от кровососов. – Впрочем, не обязательно. Раз некоторые представители новолиберийской флоры и фауны съедобны для человека, то обратное тоже закономерно».

Короткий ужин прошел в молчании – сержант прислушивался к шумам леса, страхась различить голоса хищников, американец же о чем-то рассеянно размышлял.

– Ты кем на гражданке был, Вадим? – спросил он вдруг, развалясь на траве и глядя в темнеющее небо. Москиты, кажется, нисколько не трогали его – наверное, сказывалась кровь африканских предков или толстая кожа.

Сержант медленно вернулся мыслями от настоящего к прошлому. Словно ему приходилось вспоминать не свою жизнь, а чью-то чужую, настолько события последних дней, ранения и гибель товарища по оружию вытравивали в нем обычные человеческие эмоции и постоянное осознание своего Я.

– Солдатом, – просто ответил он.

– Что, никогда форму не снимал? – удивился Ирвин.

– Почему никогда? В отпуске снимал... И на время сна, конечно.

Они рассмеялись так беззаботно, словно не было позади десятков выматывающих километров пути через джунгли и страха перед близкой смертью, которая могла таиться за каждым кустом.

– У тебя есть девушка?

– Эльзой зовут. Я же вроде рассказывал на орбитальной станции.

– Ну, брат, я после тамошнего «зайчика» ни черта не помню.

– И Лолиту забыл? И «мины-огурцы»? Тебя, кстати, и в диверсионную группу взяли потому, что ты минер-подрывник. Мне полковник Велтенбранд так сказал.

– Да какой я подрывник? Выдумка это все для баб. – Ирвин смущенно хихикнул и махнул рукой, дескать, дальше рассказывай.

– Нам с невестой жить негде, вот я и поехал на Новую Либерию... На заработанные деньги можно будет купить дом. Не самую крутой, обычный. А ты как здесь оказался?

– У меня прапрадед на флоте воевал, – мечтательно ответил американец. – Не помню, то ли с японцами, то ли с русскими. И прадед во Вьетнаме. И дед где-то на Востоке, кажется в Корее. Венесуэлу с Ираном тоже гасил. Отец под винтовкой ходил на арабов с палестинцами. Пенсия у него будь здоров! Я, когда в армию завербовался, позвонил ему. Пусть порадуется старик. Он прямо прослезился от счастья. А вообще-то мне оружие нравится, чем мощнее, тем лучше. Я хотел даже в артиллеристы податься, да майор на вербовочном пункте в звездную пехоту посоветовал – говорит, комплекция подходящая. – Он помолчал, но Вадим не встречал с вопросами, постепенно отключаясь. – Только это все не так просто на самом деле... У меня брат Тео есть, старший, он с наркотиками связался. Мы в Атланте живем, а там мафия очень жестокая. Он сбывал на улицах товар, а цену делал немного дороже, чем у других торговцев. Совсем чуть-чуть. А разницу себе в карман складывал. Так многие делали, только у них приказ был, а у Тео такого приказа не было. Боссы об этом прознали и покалечили его, сейчас в больнице лежит с перебитым позвоночником...

– А ты? – заинтересовался Вадим.

– Они и мне предлагали на них работать, чтобы лечение оплатить. Только я отказался. А здесь неплохо платят. Для таких парней, как я, в самый раз. И на жизнь остается, и на оплату курса лечения. Только знаешь что?

– Ну?

– Я не все время тут ляжку тянуть буду. Оружие разное освою, приемы рукопашные, другие военные науки... Года три послужу, пока брат не поправится, а потом вернусь. И тогда им всем придется худо, точно тебе говорю. Я там некоторых пушеров знаю, и Тео кое-кого покажет. А там и до боссов доберусь. Куплю себе винтовку с оптическим прицелом, такую же точно, как у нас, парализатор, гранатомет и патронов с гранатами побольше, пушку лазерную, мин-лягушек да мин-огурцов – и тогда им всем конец. Хороший у меня план, а, Вадим?

– План-то? – протянул сержант. Вялый, полусонный мозг соображал слабо, но даже в таком состоянии Вадим видел в замыслах негра порядочный элемент авантюризма. – План ничего, только повяжут тебя быстро. Шмальнешь в первый раз в своей Атланте, тут тебя и загребут. А если убьешь кого, электрический стул тебе обеспечен. А то и сразу повяжут, как лазерную пушку в гараж притащишь, и соседи стукнут. У мафии на всех уровнях завязки – и в мэрии, и в бизнесе, и в правосудии. У нас так. Как у вас, не знаю, но думаю, что так же точно. Нет, одному человеку с мафией не справиться. Это только в кино так бывает – пришел герой с пистолетом и всех врагов покрошил в капусту. Нет, Ирвин, лучше поменяй свой план...

Костер они так и не решились развести, к тому же никакого сушняка или другого хвоста в джунглях не имелось. А кромсать на дрова пальму казалось глупым.

– Верно говоришь, командир, – с какой-то первобытной горечью сказал негр. – Да, мы не в кино... Damn! А знаешь, где один не справится, двое вполне смогут.

– У тебя есть приятель-пехотинец?

– А ты? Я про тебя говорю, Вадим. Давай со мной в Штаты. С языком у тебя проблем не будет, устроишься у нас в Атланте на бензоколонке. И будет у нас команда мстителей. Мы их быстро замочим, вдвоем-то. Тем более, ты диверсионные курсы в ГРУ прошел. Соглашайся!

– Давай-ка спать, – проворчал Вадим. – Придет же блажь в голову. А как моя невеста в России? Она, думаешь, простит мне такую прогулку?

– А что? Если любит, дождется. И бабок нарубим мафиозных, сто миллионов.

– Да и неохота мне с вашей мафией связываться, по правде говоря. У нас и своя есть. Ударит мне моча в голову – и с русской побороться можно, не обязательно с вашей. Нашато, кстати, покруче будет. Все, спать! Это приказ...

* * *

Черноту, наполненную басовитым гудением, как будто кто-то распластал коротким взмахом ножа. Из прорехи выплыла вращающаяся огненная сфера и медленно надвинулась на него, обдав ядерным жаром. Он не боялся ни жара, ни холода, и все-таки дернул манипулятором, пытаясь оттолкнуть сферу – та могла обжечь его напарников. Сфера вильнула в сторону, сжалась в ослепительную точку и стремительно нырнула вперед, впившись ему в глаз. Он вскрикнул и затрепыхался. Но не от боли, боли он тоже не чувствовал, а от боязни, что огненная капля повредит точные механизмы внутри головы.

Так, крича и дергаясь, он свалился на землю. Высота падения была приличной, и удар отозвался во всех органах и сочленениях. Замкнулись какие-то важные контакты, бывшие еще секунду назад разорванными. Он сразу же прозрел, вспомнил все, что случилось в прошлом и все, что предстояло сделать в будущем.

Он встал, осыпаясь пеплом и окалиной с горящего в кронах палм вертолета.

Органы движения и действия слушались плохо. Орган связи вообще не действовал: в эфире бешено шипело и трещало. Центр не отзывался. Орган зрения – тот, в который впиалась раскаленная искра – никак не желал сфокусироваться. Он попробовал позвать напарников голосом. Надежда на то, что люди уцелели там, где едва не утратил функциональность он, боевой андроид LSn-01.2, кодовое имя Люсьен, практически отсутствовала. Однако попытаться следовало в любом случае. Из ротового отверстия вырвался звук, подобный визгу металла, разрезаемого фрезой. Разумеется, люди не отзывались. Тогда он медленно, по спирали двинулся вперед, обыскивая местность. Надлежало, во-первых, найти трупы (для уничтожения), во-вторых, оружие (для использования). Задача ликвидации Черного Шамана оставалась для Люсьена главной.

Он не нашел ни того, ни другого, зато наткнулся на следы. Следы принадлежали его напарникам. Двое бойцов выжили и ушли выполнять приказ. Без него.

С необходимым ему оружием.

Он задействовал все сохранившиеся анализаторы среды и двинулся по следу.

ГЛАВА 5

Проснулись диверсанты с рассветом, вместе с многочисленным зверьем и птицами, которые засели в густых ветвях и никак не желали показываться на глаза. Только яркие попугаи смело порхали в вышине, да корчили рожи бесшабашные макаки, закидывая солдатский бивак фруктовыми шкурками.

Вадим с неудовольствием ощупал подбородок и щеки. Проклятая щетина, стоило расслабиться, полезла из каждой поры. Но не бриться же ножом, хотя у Ирвина, кажется, даже мыло имеется. Воды, впрочем, жалко, и так не хватает. Или росы насобирать? Нет уж, сойдет и так.

Через пару километров к югу появились первые приметы того, что поблизости находится человеческое жилье. Явно обобранные плодовые деревья, истоптанные прогалины в зарослях, а в довершение – лай собаки.

– Что это? – с тревогой прошептал Ирвин, втягивая носом воздух. – Еще и собак притащили! Я вообще-то их жутко боюсь. Какая-то там фобия. Реакция на перенесенный в детстве шок. Мне психолог толковал.

– Слушай больше этих шарлатанов.

– Да серьезно говорю, фобия. Меня ребенком доберман покусал.

– Расслабься, – пожал плечами Вадим. – Может, это енотовидная собака, а не сторожевая.

Он вынул карту и напряженно всматривался в координатную сетку, пытаясь определить местонахождение группы. Никаких нормальных ориентиров типа горных пиков, пропастей, одиноких баобабов и речных излучин в этой части джунглей не имелось. Ближайший водный поток должен был находиться в нескольких километрах на юг.

– Неужели нас вынесло к Хендаваши? – пробормотал он.

– Сильно сбились с пути? – нахмурился Ирвин.

Сжав губы, он по-волчьи озирался вокруг: все его первобытные качества негра в родной стихии стали подавлять наносное, цивилизованное. Еще немного – и солдат KFOR сбросит защитный комбинезон и наденет повязку из листьев. Хорош же он будет в таком виде с винтовкой.

– Километров на пять, не меньше. Придется забирать западнее, чтобы не напороться на Хендаваши.

Но пройти им удалось не больше километра. Недаром время от времени по сторонам раздавалась подозрительная возня, а макаки на верхушках орали с особой пронзительностью. Так или иначе, когда одновременно с разных сторон из травы возникло с десятков черных, полуголых громил с копьями наперевес, готовых в любую секунду метнуть свое примитивное, но чертовски острое оружие, оба диверсанта остановились как вкопанные.

– I guess we're fucked now, – сообщил Ирвин. – Постреляем или убежим?

– Попробуем договориться, – решил Вадим и поднял руки. Но войны вокруг ничуть не убавили в суровости. – Мы из контингента ООН, – заговорил сержант. Французская речь с примесью явно английских слов должна была убедить поселян, что пришельцы – не киафу. Иначе рассчитывать на снисхождение не приходилось.

Сержант осторожно расстегнул ворот гимнастерки и вынул на свет армейский медальон. Один из копыеносцев, самый представительный и покрытый множественными рисунками по всему телу, осторожно приблизился к нему, щурясь на металлическую пластинку. На ней были выбиты четыре буквы «KFOR» и стоял многозначный код.

– Где украл, белый подлец, сын больной обезьяны, вонючий помет безрогой антилопы? – спросил негр на очень плохом французском.

– Мое! – твердо заявил Вадим.

На град оскорблений он решил не реагировать – кто знает, может, в джунглях Новой Либерии это принятая форма приветствия.

Хозяин местности укоризненно покачал головой и ткнул пальцем в Ирвина:

– Киафу?

– ООН, – отозвался американец на таком же отвратительном афро-французском наречии и продемонстрировал такой же медальон, как у Вадима. – Идем мимо, никого не трогаем. Оберегаем мир в стране. Мир Дагону!

– Киафу, – словно соглашаясь сам с собой, кивнул человек с копьем.

В ответ собравшиеся вокруг таха взметнули руки с копьями и издали настолько воинственный, согласованный клич, что от его мощи и глубины мороз подрал по коже Вадима. Хотя жара сегодня стояла не менее сильная, чем обычно. Один из копьеносцев отдал оружие товарищу, вынул из-за спины приплюснутый барабан и принялся колотить в него палкой, смахивавшей на бедренную кость. Да и сам инструмент, очень может быть, покрывала человеческая кожа.

– Let's get the fuck out of here, – вполголоса сказал Ирвин. – Сожрут и не поморщатся.

– Откуда здесь людоеды? Ты что, сбрендил? Разберутся и отпустят.

– Ох, сомневаюсь... Тебе виднее, командир. Только я бы дал очередь в воздух и свалил.

Однако винтовки у них тут же отобрали, впрочем, обшарить целиком не додумались – святая новолиберийская простота! Настоящий диверсант такую беспечность без наказания не оставит. Выдернет из подошвы нож и мгновенно нашинкует врагов на тонкие мясные полоски. Если успеет до того, как его насадят на копье.

– Ты зачем говорил с таким диким прононсом? – прошипел Вадим, когда их вели через заросли, порой подгоняя тупыми концами копий. – Думаешь, стал меньше походить на киафу?

– Черт, откуда я знал? – огрызнулся Ирвин. – Думал, так ему понятнее будет. А надо было с бостонским акцентом выражаться?

– Сейчас уже поздно с ними разговаривать...

* * *

Встречать славных воинов таха, пленивших врага, высыпало все население поселка. Штук двадцать неказистых хижин, крытых пальмовым листом, разом опустело – порядочная толпа почти голых поселян уже суежилась на главной площади деревни. Посреди нее торчал подозрительно обгорелый ствол пальмы.

– Говорил я тебе, – пробурчал Ирвин. – Сейчас поджаривать будут.

– Хорошего же ты мнения о своих чернокожих братьях, – отозвался Вадим без былой уверенности. Предположение соратника было очень неприятным и чересчур походило на правду.

Среди всего населения деревни сержанта в первую очередь заинтересовали женщины, одетые более ярко, чем их соплеменники мужского пола. Некоторые позволили себе вплести в курчавые и короткие, словно ежик, волосы яркие тропические цветы, а также вставить в ноздри раскрашенные острые палочки. Даже их повязки, менее густые и длинные, смотрелись элегантно. Однако грудь у многих подкачала, свисая едва ли не до пупка, особенно у зрелых матрон. Впрочем, мелькали и вполне симпатичные особы. Дети же лет до семи вообще предпочитали носиться нагишом и кричать что-то торжествующее. Они буквально кишели в толпе, словно муравьи – на мешке сахара.

Обоих пленников провели сквозь толпу, и Вадим разобрал многократно исторгнутое людьми слово «киафу». Особо рьяные даже плюнули в диверсантов. Воины с копьями грозно отгоняли детей, чтобы тех ненароком не затоптали.

Центральная хижина в поселке отличалась великолепием: ее покрывал толстый слой свежих пальмовых листьев, да и опоры выглядели прочно. Перед ней восседал на плоском камне мужчина лет пятидесяти, рядом с которым надрывался «Панасоник». Услышать в джунглях современные дагонские шлягеры было как-то дико. Однако Ирвин и Вадим приободрились – значит, у них есть шанс избежать смерти в котле или у столба, раз цивилизация уже дотянула сюда свои липкие щупальца.

– Кто такие? – грозно спросил вождь по-французски, перекрикивая радио. К нему скользнула довольно свежая девица и подала огромную миску с чем-то желто-зеленым. Негр погрузил в массу металлическую ложку и благосклонно отведал пищи.

Похоже, он не собирался откладывать трапезу ради каких-то пришельцев, особенно киафу.

– Ограниченный контингент ООН, – охотно пояснил Вадим.

Обернувшись, он увидел, что сзади выстроилось несколько слоев поселян – первый состоял из воинов с копьями, второй из парней и стариков, дальше толпились женщины и сновали дети. Никто, правда, не решался шуметь. Наверно, опасались заглушить радиолу.

– Какими судьбами в Хендаваши? – продолжал орать вождь, одновременно жуя.

– Может быть, стоит убавить звук? – спросил Вадим, показывая на «Панасоник».

– Ручка громкости сломана, – отозвался пожилой таха. – Проклятые дети! Ничего оставить нельзя.

Наконец он раздраженно ткнул пальцем в кнопку, и стало слышно, как задние ряды любопытствующих возбужденно переговариваются. Вождь свирепо взглянул на племя. Тотчас повисла напряженная тишина.

– Ну? Отвечай, белая обезьяна!

– Проводим сверку реальных геодезических данных с имеющимися, – сказал Вадим. Звучало это глупо, при наличии-то спутников, но ничего вразумительного сержант придумать не успел. – Сейчас направляемся в место расположения основной группировки KFOR.

– Зачем оружие? – резонно поинтересовался вождь, отставив ополовиненную миску. – Где теодолиты? Где карты?

«Черт, он что, местную Сорбонну заканчивал?» – Вадим лихорадочно размышлял, что бы еще соврать, да так, чтобы не пасть окончательно в глазах таха. Мало того, что их принимают за врагов, пособников западного клана, так еще и уличат во лжи. Но не говорить же правду! Тогда о задании уж точно можно забыть.

– На дорогах страны опасно. Оборудование утонуло при переправе через Луфу, а карта имеется. Мы не причиним вашим людям никакого вреда. Прошу разрешить нам двигаться дальше на запад.

И без того широкое, раздувшееся на отменных харчах лицо таха расплылось в улыбке.

– Они не причинят нам вреда! – крикнул он, взмахнув руками и словно подавая знак соплеменникам. Те грохнули от смеха, причем хохотали даже дети – их тонкое повизгивание особенно задевало самолюбие диверсантов.

– Может, все-таки перестреляешь их? – вполголоса предложил Ирвин. – У тебя же остался пистолет. Покажи им, кто тут главный! Начни с вождя.

– Пошел к черту, убийца. Ты разве не смеешься над удачными шутками?

И Вадим скрепя сердце поддержал начинание вождя, улыбнувшись и даже хлопнув в ладоши. Его жест подхватили, и в следующую секунду от грома аплодисментов затряслась крыша дома.

Вождь тотчас поднял руку и восстановил тишину. Он был неглупым человеком и понимал, кажется, не только в геодезии, но и в архитектуре.

– Мы отпустим вас, – сказал он и одним взглядом остановил разочарованный ропот соплеменников. Вадиму показалось, что позади кто-то крикнул: «А как же свежее мясо?» – У нас нет врагов, кроме грязных киафу. Остальные жители Дагона и гости Новой Либерии могут не опасаться гнева таха. Конечно, молчаливый человек рядом с тобой, белая обезьяна, должен будет доказать, что он не киафу. Это будет трудно. Но ведь для настоящих геодезистов не существует трудностей, верно? Эта большая черная обезьяна должен пройти испытание. Заодно и повеселимся на славу. Пока же познакомимся.

Дождавшись коротких ответов от пленников, он сказал:

– Меня зовут Мвере-Бижи, что на вашем варварском языке значит Потрясающий Пальмы. Если успешно пройдете испытания, вы узнаете имена и остальных моих подданных, – обнадежил он.

* * *

Первым делом пленников все-таки обыскали и отняли у них вещмешки. В углу хижины образовалась порядочная куча инвентаря и боеприпасов, в которой вождь никому не позволил копаться. Воины таха, но особенно Ирвин и Вадим, с болью следили за тем, как в сундуке Мвере-Бижи исчезают водостойкие спички, батарейки к спутниковому телефону – а теперь к магнитоле, – ножи, капротеновый шнур, брикет сухого спирта, самые лучшие консервы и прочие припасы. У Ирвина нашли и кусок кожи андроида. Однако вождь, которому сыскарь передал находку, со смехом заявил, что это плохой резиновый чехол, потому что с дыркою да к тому же детского размера, и швырнул обратно.

Тучная жена вождя суежилась тут же, стараясь урвать что-нибудь и себе, но Потрясающий Пальмы не дал спутнице жизни даже одной жалкой спички. Сунул ей только патрон от ТТ и прогнал с гневным криком. Дочь вождя вела себя скромнее и потребовала только блестящую упаковку с таблетками обеззараживателя.

– Наркотик? – заинтересованно спросил Мвере-Бижи.

– Нет, конечно, – удивился Вадим, и вождь тут же отдал пачку дочери. – Только если мы будем пить воду без этих таблеток, нам грозит отравление.

Но Потрясающий Пальмы лишь отмахнулся.

– Я пока не отравился, мой народ не отравился, значит и с вами ничего не случится, – заверил он. – Касангеши – чистая река. Геодезисты тут редко бывают, некому загадить.

К счастью, оружие и боеприпасы он трогать не стал. Лишь повертел в руках тяжелый ТТ, понюхал и выдал:

– Грязное железо!

– Я только позавчера его чистил, – возмутился Вадим.

Но вождь не прислушался к его мнению, и это было к лучшему. Разворошив припасы диверсантов, он приказал сильному воину из охраны свалить все «лишнее» в соломенный сундук и прикрутил крышку проволокой. В сундуке же остались гимнастерки солдат ООН – Потрясающий Пальмы рассудил, что «геодезистам» следует загорать. Правда, кепки он им доброжелательно оставил, хотя многие воины таха завистливо косились на красивые головные уборы.

– Все готово для первого тура? – спросил вождь у важного подданного.

Тот подобострастно кивнул, и обоих диверсантов вывели на воздух, где продолжала шумно веселиться толпа поселян. Похоже, девушкам понравились сильные и высокие пришельцы, и они старались привлечь внимание диверсантов самыми откровенными жестами

и позами. Видимо, многие мужчины племени ушли на войну с киафу, и этим красавицам не хватало ласки.

– Пиф-паф – нет! – сообщила Вадиму одна из них, коснувшись его бедром и грудью. – Секс – да!

Но тут ее оттеснила другая с аналогичными лозунгами, и у сержанта поплыло перед глазами. В военной части с девушками напряг, и каждая из них, пускай даже черная с ног до головы, способна разжечь в сердце солдата нешуточный пожар. А когда их сразу десять? Тут у самого стойкого миротворца может случиться тепловой удар. Даже верность Эльзе стала казаться сержанту чем-то необязательным.

– Ты только посмотри на эту пышку! – Ирвин толкнул Вадима локтем и показал кивком головы на пухлую девушку с мощной грудью, которая подавила подруг массов и завладела вниманием воина. – Как раз в моем вкусе.

– Соберись! – приказал сержант. – Не смей расклеиваться! Тебе предстоит серьезное испытание. Эй, Потрясающий Пальмы!

Вождь, совещающийся с кем-то поблизости, повернул к нему торжественное лицо.

– Ну? Что ты хочешь сказать мне, белая обезьяна Вадим?

– Я хочу спросить. Если я точно не киафу, может, прикажешь своим храбрым воинам отпустить меня? Обещаю никого не калечить и смиренно принять результаты испытания. Потому что я уверен, что мой чернокожий соратник – военный геодезист родом из земной Америки. А никакой не киафу.

– Америка – это плохо, – подумав, сообщил Мвере-Бижи. – Почти так же плохо, как киафу. Я знаю. В старину они угнетали нашего брата на своих землянках. Значит, тебя тоже угнетали, черная обезьяна Ирвин?

– Еще как, – охотно согласился тот. – Но я бежал из плена и прилетел на Новую Либерию, чтобы нести твоим людям мир и согласие. Мир Дагону! Долой киафу!

– Что ты несешь? – прошептал Вадим по-английски. – Ты что, батрачил на плантациях белых обезьян?

– Ты становишься похож на Потрясающего Пальмы. Что, уже пошутить нельзя? По моему, он именно это и хотел услышать.

Действительно, физиономия вождя разгладилась, но снимать обвинение с Ирвина он не спешил. Видимо, развлечение ценилось им гораздо выше, чем слова чужака, тем более не подкрепленные делом.

– Подумав, я решил, что ты останешься здесь, друг черных Вадим, – отвечая на вопрос сержанта, сказал вождь. – Какой же ты товарищ, если готов оставить Ирвина в опасности?

Тут деревенская площадь как-то вдруг расчистилась, и Вадим с Ирвином оказались в одиночестве, в десяти метрах от пресловутого столба, на котором их якобы собирались зажарить. Потрясающий Пальмы опять включил «Панасоник», и поляну огласили бодрые звуки франкоязычного хита с откровенно этническими мотивами.

Некоторые селяне даже подхватили песню, как будто слышали ее не впервые.

Из полукруга зрителей выдвинулся рослый воин в устрашающей раскраске, подбежал к пленникам и вручил Ирвину огромное, даже на вид тяжеленное копье.

– Это оружие настоящего таха, – гордо сообщил он на ужасающем французском. – Копье Либубу! Порази им ствол мертвой пальмы, и тогда мы посмотрим, таха ли ты.

Хэмпстед принял копье и едва не выронил – настолько велик оказался его вес.

– Тяжелее снаряженной винтовки, – пожаловался он. – Чертовы дикари залили его свинцом, не иначе. Это горелое дерево станет моим позорным столбом. I don't understand this fucking shit!

– Ничего, ты справишься, – ободрил его сержант. – Посмотри, сколько девушек вокруг. Они ждут от тебя меткого броска. Попади, и все они будут твои, ручаюсь.

И точно, группа поддержки разразилась криками – по-видимому, уже тот факт, что Ирвин сумел удержать копье Либубу, говорил в его пользу. Девушки, да и более зрелые женщины, поддавшись энтузиазму молодости, принялись совершать весьма откровенные телодвижения, вдохновляя пленника на подвиг.

Магнитола замолкла, символизируя торжественность момента.

Раскатисто крикнув, диверсант воздел оружие над плечом, размахнулся и метнул его что было сил. Наконечник с хрустом вошел в самый край пальмы, древко покачнулось, увлекаемое собственной тяжестью, и все ахнули. Однако копье скрипнуло, остановило падение и замерло, торча под небольшим углом. Через мгновение зрители разразились таким ликующим воплем, что «позорный» столб, устоявший под ударом копья Либубу, едва не рухнул от акустического натиска.

Снова зазвучала бодрая музыка.

* * *

– Ну что же, – сказал Мвере-Бижи, утихомилив подданных. Несчастную магнитолу опять выключили – начались двенадцатичасовые новости из Малелы, которые тут, видимо, принципиально не слушали. И впрямь, зачем таха слушать ложь грязных киафу? – Наш черный брат Ирвин может оказаться настоящим таха... – Вождя поняли не все, поскольку многие не владели французским. Те, кто что-то уразумел, принялись пересказывать речь Потрясающего Пальмы всем остальным, и на площади установился ровный гул. – Но может быть и ловким обманщиком, укравшим у таха их мастерство и умения. А потому назначаю второй тур испытания!

Девушки заметно помрачнели, зато мужчины племени заулыбались весьма одобрительно.

– Прошу самых уважаемых представителей семейств пройти в мою скромную хижину, – объявил Потрясающий Пальмы. – Там для вас будут приготовлены изысканные яства, и среди них – лучшее и вкуснейшее блюдо хухум-ржа!

Женское население поселка опять заметно повеселело – кажется, девушки, девочки и старушки поняли, что ничего страшного Ирвину не грозит.

– Ох, – нервно сказал Хэмпстед. – Что-то не нравится мне название их лучшего блюда.

– Не дрейфь, брат. От доброй еды еще никто не умирал. Вспомнишь меню своих африканских предков.

– Да я помню немного. Потому и опасаясь.

Их вновь повели к главному строению в деревне. Действительно, приближалось время обеда, и оба диверсанта после упоминания пищи почувствовали острое желание подкрепиться.

– Не волнуйся, любимый, – смешно коверкая слова, прощбетала та самая толстушка, ошпарив Ирвина прикосновением могучих грудей. Несмотря на габариты, ей легко удалось проскользнуть мимо охраны. – Ты просто съешь немного хухум-ржи, и мы сможем наконец встретиться наедине.

– Жду не дожусь, – страстно ответил солдат.

– Только не переедай! – напутствовала его девушка.

– Хорошо тебе, – позавидовал Вадим. – Вся деревня за тебя болеет.

– Ничего, и на тебя подружек хватит, – ухмыльнулся Ирвин. – Вон, посмотри на ту кучерявую брюнетку слева. Глаз с тебя не сводит, бесовка.

– Которая из них? – заинтересованно стал озираться сержант. Брюнетками, на его взгляд, были все девушки поголовно. Так же, как кучерявыми.

– Она с красным кольцом в носу...

Но рассмотреть поклонницу Вадиму не дали, толкнув под своды жилища. Все посторонние, то есть женщины и молодежь, остались снаружи и вскоре разбрелись по своим хижинам, раззадоренные волнующими запахами еды.

Но хухум-ржа в их меню наверняка отсутствовала, потому что это было поистине царское блюдо.

На большом пальмовом листе лежала свернутая в спираль полосатая змея, к счастью, уже обезглавленная. Кулинар заботливо украсил мертвое пресмыкающееся разрезами, в которые поместил разнообразных насекомых и червей. Вадим ожидал, что все это будет гадко шевелиться, но ничего подобного не случилось.

– Не волнуйтесь, мои непроверенные друзья, – сказал вождь. – Все хорошо зажарено, никаких микробов и прочих глистов. Белая обезьяна Вадим, конечно, может не пробовать хухум-ржу. Вряд ли он достоин такого блюда, хоть и геодезист. А вот чернокожему брату придется отведать. Если он не киафу, конечно.

– Интересно, почему только киафу не могут питаться хухум-ржой? – недовольно спросил Ирвин. – В Америке, например, тоже не встретишь такого деликатеса. И в России. Верно, сержант?

– Это точно, – согласился Вадим.

– Я отвечу, – величаво проговорил вождь.

Он сделал знак внимательно слушающим их поселянам, воинам и старикам, и те дружно расселись прямо на земляном полу хижины. Обе хозяйки – жена и дочь – принялись наделять каждого пальмовым листом с обильной трапезой, однако досталось им совсем не такое роскошное блюдо, как у Ирвина.

– Эта питательная змея, называемая хухум, живет в реках Дагона, – продолжал нарапев Потрясающий Пальмы. – Она жила тут всегда, еще до появления на Новой Либерии наших африканских предков. И вот вскоре после того, как эти земли стали обитаемыми, между племенами таха и киафу возникло недоверие и даже вражда. А все потому, что идиоты киафу сделали из этой жалкой полосатой змейки божество. Дескать, она жила тут миллионы лет, а потому первородна и ее глупой башке таится древнее знание. Кто еще слышал подобную чушь? Якобы эту тварь нельзя поедать, а то какие-то Номмо нас покарают. Или хухум – это Номмо и есть, тут они сами путаются. Начитались дурной фантастики, не иначе, грамотеи проклятые! А ведь мясо хухум очень полезно, в нем много витаминов и минеральных веществ. Разве в божестве могут быть витамины? Нет, это бог наделяет витаминами тех тварей, которых должны кушать люди! Так и повелось – они ей поклоняются, а мы готовим из нее пищу. Долгие века шла между нашими родами война, но никто не хотел отступить от обычаев предков. – Глаза вождя подернулись дымкой, словно он сам прожил все эти века и принимал участие во всех стычках. Вадиму вспомнилось, что новолиберийский век едва тянет на сорок земных лет. Он внимательно посмотрел на вождя: тот вряд ли был намного старше его собственного отца. Мвере-Бижи очнулся от лже-воспоминаний и продолжил: – Мы совершали вылазки на запад, чтобы похитить женщин киафу и наловить хухум в их водах, они нападали на нас и тоже крали наших девушек... Славная история! Но вот сто лет назад воды Касангеша, Ломами, Касуку и Луфу оскудели, хухум ушла из них. Она стала появляться очень редко, лишь в периоды дождей. Тогда-то и договорились вожди племен о перемирии.

– И на каких условиях? – любопытствовал Вадим.

История племенной вражды занимала его не меньше, чем похождения Наполеона в старой Европе. В этой дикой инопланетной войне хотя бы был явный смысл, до которого не надо докапываться, выискивая тайные пружины помыслов и интриг.

– Хухум-ржа перестало быть повседневным лакомством таха, – с грустью ответил Мвере-Бижи. – С тех пор его можно поесть только раз в месяц, одному из заслуженных дея-

телей племени, в торжественной обстановке... Сегодняшняя порция предназначалась мне, белокожий странник. Поскольку я, как легко понять, самый заслуженный человек нашего рода.

Он взмахнул рукой, призывая соплеменников к началу обеда, и все дружно зачавкали печеными фруктами, лепешками и прочими яствами. Вадим тоже налег на пищу. И только Ирвин с тоской склонился над хухум-ржой, никак не решаясь ухватить змею и откусить от нее.

«Киафу, киафу...» – понеслось со всех сторон, пока еще не очень громко, но уже весьма угрожающе.

– Ешь эту дурацкую тварь, – прошипел Вадим по-английски.

– Да я бы съел... Только эти тараканы с червями... *Fucking shit!*

– Знаешь, я думаю, что просьба очистить хухум от насекомых будет таким оскорблением для кулинара, что тебя прикончат на месте. Ведь это блюдо наверняка готовила дочь вождя или жена. Лучше ешь поскорее. Ну, давай, закрой глаза и откуси. Не умрешь. – Вадим со строгим соболезнаванием уставился на товарища и добавил: – Вспомни про острое копье Либубу, на которое тебя насадят, если ты не съешь хухум-ржу. У него такой широкий наколечник...

– Ладно, черт с вами, садисты! *Shit! Shit!*

Ирвин зажмурился, взял змею за хвост и медленно подтянул ко рту. Видимо, запах подействовал на него ободряюще, потому что он почти без судорог зачихнул кусок кушанья в рот и откусил. По его подбородку растекся подвернувшийся червь. Под крепкими зубами американца громко захрустели прожаренные хитиновые оболочки насекомых.

– Ну? – нетерпеливо спросил Вадим. – Что скажешь?

Все собравшиеся с напряженным вниманием следили за физиономией диверсанта. Похоже, он еще должен был продемонстрировать правильную реакцию – не скривиться и не сплюнуть, а наоборот, восхититься и сказать что-нибудь похвальное в адрес хозяйки. К счастью, Ирвин догадался об этом.

– Великолепно! – просипел негр исказив в пароксизме неопределимой реакции рот. Трудно было понять, то ли он едва сдерживается, чтобы не сплюнуть, то ли и в самом деле смакует пищу. Гости истолковали его поведение правильно – они захлопали в ладоши и закричали: «Таха, таха!», затем поспешили вернуться к своим «тарелкам», пока их не отняли.

Вождь также ковырялся в своей, но делал это как-то без энтузиазма, порой неопределенно поглядывая на остатки змеи. Ирвин опять не подкачал.

– Потрясающий Пальмы! – заявил он, едва протолкнув почетную еду в глотку и зажевав ее бананом. – Это великая честь для меня – отведать царской пищи с твоего стола. Но было бы слишком нагло со стороны такого ничтожного геодезиста, как я, пожрать твое блюдо целиком. Поэтому я с благодарностью готов вернуть тебе хухум-ржу. Надеюсь, когда-нибудь мне еще раз доведется испробовать столь божественной пищи.

Уважаемые люди племени – те, которые услышали и поняли его слова, вновь разразились овациями.

– Ох, хитрец, – покачал головой вождь. – Ладно, не могу устоять против твоего предложения. Можешь считать, ты почти доказал, что не киафу.

Он ловко ухватился за практически целую хухум и стал жадно заталкивать ее в пасть, со вкусом чавкая жареными насекомыми. Удивительно, как быстро змея исчезала в его желудке. Буквально через минуту последний кусочек пропал между толстых, сочащихся червивым соком губ, и Мвере-Бижи сыто рыгнул. Это привело к новому взрыву восторга среди его соплеменников.

– Почти доказал? – переспросил немного ошарашенный Ирвин. – Разве это было не последним испытанием?

– Э, нет, дорогой черный брат, – выковыривая ногтем из зубов остатки чьих-то надкрыльев и лапок, проговорил Потрясающий Пальмы. – Испытаний должно быть никак не меньше трех. Где ты слышал о двух или одном? Три, и никак иначе! И последнее станет самым сложным, доступным лишь настоящему таха.

– Разве я говорил, что принадлежу к твоему племени?

– Не говорил, верно. Но я великодушный вождь и согласен зачислить тебя в свои подданные. Если, конечно, ты пройдешь последнее испытание.

– погоди-ка, Потрясающий Пальмы, – встрял Вадим, пока Ирвин ловил ртом воздух. – Но ведь мы связаны контрактом. Мы не можем так просто бросить наши геодезические изыскания. У нас свои семьи и племена. Твое предложение очень почетно, но мы вынуждены отклонить его.

– К тебе, белая обезьяна Вадим, у меня нет вопросов, – брезгливо, хотя и без враждебности ответил вождь. – Можешь забирать свой мешок и продолжать изыскания. А вот черный друг Ирвин имеет все шансы навсегда избавиться от американских угнетателей и стать свободным. Ты ведь хочешь стать свободным, а, Ирвин?

Диверсант тяжело задумался. Похоже, употребление хухум-ржи сильно снизило его умственные способности. С другой стороны, оголтелый отказ может вызвать самую негативную реакцию у местного населения.

– Возьмешь себе две или три жены, – продолжал увещевать негра вождь. – Они будут собирать плоды, ловить рыбу, готовить много еды, починять хижину. Во многих домах нет хозяина, Черный Шаман половину самых сильных мужчин забрал на войну...

Вадим насторожился. Если им удастся найти в лице Мвере-Бижи союзника, задача по ликвидации главаря бунтовщиков серьезно облегчится. Но рассчитывать на такое необыкновенное везение умелый диверсант не станет. Главное сейчас – вырваться из Хендаваши и продолжить путь на юго-запад. И так уже потеряно полдня.

– Что ж, перспектива заманчивая... Я должен как следует подумать, – сказал наконец Ирвин, несколько совладав с растерянностью. – Это очень неожиданное предложение. К тому же весьма почетное. А вдруг я не справлюсь с третьим испытанием? Какой тогда из меня таха?

– Мы уверены в твоих силах, – торжественно заявил Потрясающий Пальмы, и лучшие люди поселка подтвердили его слова доброжелательным гулом.

– Ну а если все-таки не справлюсь? – продолжал сомневаться Ирвин.

– Что ж, тогда для вас обоих только один путь – к Черному Шаману, под охраной моих доблестных воинов. Он-то знает, как разговаривать с киафу, чтобы выведать их военную тайну. Это я уже старый, новые порядки не ведаю...

* * *

Скоро выяснилось, что перемещаться с высокой скоростью он не способен. После нескольких секунд форсированного движения перегревался и выходил из строя блок, отвечающий за координацию движений. LSn-01.2 начинал бестолково кружить на одном месте, пока в блоке не восстанавливалась рабочая температура. Обычно для этого требовалось от семи до двадцати минут. Таким образом, преодоленное на форсаже расстояние оказывалось значительно меньше того, что он мог пройти за то же время в обычном режиме. Вдобавок через пробойину в груди постоянно проникала влага и насекомые. Будь Люсьен полностью исправен, это ничем бы не грозило. Сейчас, когда часть контуров лишилась изоляции, время от времени происходили мини-замыкания, влекущие за собой сбои систем. Влага при этом испарялась, насекомые сгорали... однако того и другого в джунглях имелось в избытке.

Оценив ситуацию, Люсьен принял решение залатать пробоину. Для заплат он воспользовался кожей с ягодиц. Чтобы разогреть края заплат до пластичного состояния, пришлось развести огонь и дожидаться появления углей. На это LSn-01.2 потратил около часа. Приладить заплату на спину без посторонней помощи оказалось очень трудно, но он справился. Насколько хорошо, покажет время. Зато входное отверстие Люсьен заклеил чрезвычайно надежно. Покончив с ремонтом, он ощутил что-то вроде гордости. Конструкторы предусмотрели в его программе эмуляцию зачатков чувств – это должно было помочь андроиду лучше контактировать с напарниками-людьми.

Затем он долго и неустойчиво шел по следу Косинцева и Хэмпстеда. Когда Люсьен преодолевал крошечный ручеек, возле которого люди делали привал, на него набросилась водяная змея. Он позволил пресмыкающемуся вонзить зубы в свою икру, затем поймал его за голову и поднес к уцелевшему органу зрения. С изогнутых зубов змеи стекали капли желтоватой вязкой жидкости. Люсьен поймал каплю на язык. Анализатор выдал состав. Сильный нервнопаралитический токсин. Андроид сжал пальцы, растирая голову опасной твари в пюре, затем отшвырнул свивающееся кольцами тело в ручей. Нужно было спешить. Джунгли представляли опасность для его напарников. Конечно, LSn-01.2 мог выполнить задание и в одиночку, однако такой ход вещей был нерационален, поскольку грозил дополнительными трудностями. К тому же он нуждался в оружии, чтобы уничтожить Шамана. В таком состоянии Люсьену вряд ли удастся подойти к врагу на расстояние вытянутой руки.

Когда он приблизился к деревне аборигенов и понял, что напарники находятся там, форсированный режим передвижения включился сам собой. Перегрев отрубил блок координации через пять целых сорок восемь сотых секунды. LSn-01.2 завертелся юлой, ломая тоненькие стволики молодых пальм, споткнулся о пенек и рухнул ничком.

Даже на земле он продолжал дергаться и судорожно скрести конечностями, будто зарывающийся в землю жук. Вскоре рыхлая почва, листья и мелкие ветки засыпали андроида подобием могильного холмика.

ГЛАВА 6

Время для последней, решающей проверки Ирвина пришло через два часа после трапезы. А до этого перед глазами разморенных жарой и обильной пищей диверсантов под звуки тамтамов, тамбуринов и бубнов плясали самые обворожительные девушки племени. Их набедренные повязки летали, словно пачки у балерин, так что видеть перед носом курчавые треугольники волос и не ухватиться за пышную ляжку было довольно проблематично.

Как выяснилось, все это представление было затеяно неспроста.

– Что же, – философски заметил Мвере-Бижи, когда Ирвин уже был готов наплевать на приличия и завалить первую же попавшуюся девушку прямо тут, в хижине вождя. Потрясающий Пальмы проявил себя отменным сексологом. – Сейчас черный брат Ирвин должен пройти в отдельное жилище, где его уже поджидают три достойных женщины.

Негр вскочил и ринулся к выходу, на ходу расстегивая ремень штанов.

– Все три должны остаться довольны! – бросил ему вдогонку вождь, но Ирвина это напутствие нисколько не обескуражило. Он был готов к любым подвигам и вскоре с топотом скрылся в сопровождении охраны на другом конце деревни.

Девушки, кружившиеся в центре дома, поклонились и вышли, отпущенные жестом хозяина. Вадим откашлялся и перевел дух. Негоже диверсанту расклеиваться от вида обнаженных негритянок, тем более у него на далекой Земле живет невеста. Вот только ждет ли она его? И хранит ли верность, как стойкий Вадим? А может, каждый день напивается до поросычьего визга и употребляет наркотики, отдаваясь за рубли жирным клиентам? Похотливым старцам и прыщавым богатеньким юнцам? Вадим поспешил выкинуть эти жуткие мысли из головы и повернулся к Потрясающему Пальмы.

– Скажи мне, великий вождь, – обратился сержант к гостеприимному хозяину. – А я разве не могу стать таха?

– Ты? – удивился Мвере-Бижи. Растянувшись на подстилке, он уже почти заснул, убаюканный прохладным ветерком – за ним стояла дочь и порой взмахивала пальмовым листом, чтобы отогнать мух. – Ты же геодезист. Какой из тебя таха? Любой сразу скажет, что ты даже киафу стать не сможешь, не то что таха. Нет, белая обезьяна Вадим... – И он окончательно свесил голову на жирную грудь, чтобы мгновенно захрапеть.

В хижине, кроме вождя и его супруги, которая сопела в дальнем углу, остались лишь Косинцев и девушка с опахалом – вся охрана рассредоточилась вокруг дома. Большая часть расселась у выхода, Вадиму видны были их короткие тени. Жара давала себя знать. Судя по всему, это время суток все проводили лежа в тени, и необходимость бодрствовать вряд ли вызывала у охраны восторг.

Если сейчас обезвредить девчонку, взломать сундук и завладеть своим оружием, то с этими воинами, пожалуй, можно будет справиться, не заполучив в живот копье. Но как же Ирвин? К тому же после такого демарша против них ополчатся все джунгли, и добраться незамеченными в Касонго не выйдет. Не исключено, что Ирвина в качестве мести прикончат. Или отправят связанным к Черному Шаману, где ему уж точно придется несладко.

Словом, при любом исходе вооруженный побег выходил боком.

– Послушай, красавица, – не слишком надеясь на понимание, вполголоса проговорил он. Но ему повезло – она ответила, причем довольно внятно.

– Что тебе, белый человек?

– Скажи мне, пожалуйста, каково это – быть таха? Нет, не то говорю. Что будет, если Ирвин откажется вступить в твоё племя и захочет вернуться в Малелу?

– Очень плохо. Глупая мысль. У нас хорошо, потому что много мужчин на войне. Много-много любви на одного достойного мужчину. Особенно на такого красавчика, как Ирвин. Что там делать, в твоей Малеле? Там растут большие плоды?

– Нет, пожалуй.

– Там ловится рыба размером с человека?

– Вот уж точно нет.

– Там бегают стада антилоп?

– Да ты что, какие там антилопы! Одни каменные дома и трущобы с крысами.

– Не понимаю, что там делать таха? Потому и живут там одни киафу, презренные почитатели хухум. – Она пренебрежительно сплюнула в сторону, стараясь не попасть в отца.

– А если Ирвин станет таха, меня отпустят с моими вещами?

– Зачем? Живи с нами. Ты симпатичный, хоть и белый. Хижин на всех хватит.

– Так я тебе нравлюсь? – приободрился Вадим.

Девушка критически осмотрела сержанта, заставив того встать. Потрогала мускулы на руках, проверила крепость ног и живота, брезгливо потрепала короткие светлые волосы.

– Ничего так, – наконец кивнула она. – Конечно, Ирвин намного красивее тебя. Жалко, что я в третьем испытании не участвую.

– Тебя как зовут, малышка?

– Лубилаш. А ты Вадим, верно? Ну так что, останешься с нами? Может быть, я к тебе в дом приду жить... Если отец позволит, конечно.

– Он не позволит, – вздохнул сержант и сел. – Ведь я не таха.

– Уж это точно. Я бы лучше к Ирвину пошла. Это мужчина что надо!

Как ни крути, дела обстояли неважно. Из реальных способов отделаться от Потрясающего Пальмы и выполнить задание оставалось только бегство без всякого снаряжения. Вот только справиться с Черным Шаманом без АР-48 будет очень непросто, почти невозможно. Можно, конечно, остаться на какое-то время в поселке, втереться в доверие и уже потом сбегать, взломав сундук. Только как долго придется здесь обретаться? Черный Шаман в любой момент может объявить по джунглям тревогу и двинуться на Малелу со своими «войсками». Правда, без имевшегося на складах оружия сделать это будет нелегко, а склады уничтожены меткими выстрелами покойного монстра Люсьена...

Тут его размышления были прерваны весьма решительным образом. Что-то узкое и горячее проникло к нему под ремень и попыталось оттянуть его вбок. Вадим изумленно поднял голову и встретил лукавый взгляд Лубилаш, чья шоколадная ладонь прижалась к его боку.

– Не печалься, белый воин, – прошептала она. – Пойдем за сундук. Все спят, не бойся. Вон какой у тебя твердый банан. – Она хихикнула и провела рукой у сержанта между ног. – Пора его съесть.

– Но-но, – насторожился Вадим, однако за сундук пошел. Ноги словно сами несли его вперед. – А если отец или мать заметят?

– Не заметят. Я знаю, они всегда в это время спят. Два часа. Тебе хватит двух часов?

– А как же... Ну, как тебе сказать...

– Вот. – Она вынула откуда-то из-под набедренной повязки плашку презерватива и протянула ее Вадиму. – У папаши стащила. Он их в специальном горшке держит, а я подсмотрела. Когда у какой-то семьи становится слишком много детей, он выдает такую штуку мужчине и говорит: «Береги этот резиновый чехол как боевое копье! Надевай на свой банан, только когда идешь спать с женой. Потом снимай и положи в ручье. А порвется – приходи за новым». Поэтому у нас в деревне не так много детей.

Лубилаш потянула Вадима за руку, заставляя опуститься рядом с собой. Ей-то снимать с себя ничего не надо было – отстегнула ворох листьев, что болтался вокруг пояса, и готово.

Зато Вадим, срывая пальцы на ремне, провозился с минуту, прежде чем смог освободить свой пылающий «банан».

– Сойдет, – великодушно кивнула Лубилаш. – Хоть и не черный...

* * *

Как Вадим ни сопротивлялся изнуряющей слабости, что навалилась на него после безумной любви с горячей негритянкой, устоять не смог и на какое-то время отключился. Разбудил его грозный голос вождя, который, оказалось, потерял пленника и собирался поднять на ноги весь личный состав деревни.

К счастью, Лубилаш вовремя показала ему на растрепанного сержанта, который с тяжелой головой выбрался из-за сундука. Сама девушка, как ни в чем не бывало, продолжала размахивать листом, словно ни на минуту не отлучалась от отца.

Тут же в хижину вбежал воин с копьем наперевес и наклонился к Потрясающему Пальмы. Вадим слышал, как копьеносец лопотал что-то на местном наречии, порой делая неприличные жесты. Мвере-Бижи слушал его с возрастающим разочарованием и даже горечью, и Вадим окончательно заподозрил неладное. Наконец вождь прервал гонца и пинком отправил его наружу.

– Плохо! – сказал он в пространство. Посмотрел на Вадима и с предельно раздосадованным видом повторил: – Очень-очень плохо!

– Что-то случилось?

– Твой черный друг не прошел третье и последнее испытание на мужскую доблесть. Он не способен быть таха.

– Может быть, это какая-то ошибка? – Сержант никак не мог поверить в такое фиаско Ирвина. – Он так рвался в битву. Не может быть! Он безумно мечтал стать таха.

– Поздно, – мрачно подытожил вождь и тяжело поднялся с подстилки. – Все уже знают, что он потерпел поражение, ничего изменить нельзя. Одна из женщин в полный голос выразила недовольство твоим товарищем.

Он выкрикнул что-то резкое, и в хижину влетело сразу трое вооруженных парней.

– Проводить эту белую обезьяну в арестантскую хижину, – приказал он на французском, затем опомнился и произнес то же самое на родном языке.

Копьеносцы поняли, что от них требуется, и подступили к Вадиму. «Бежать?» – мелькнула в голове у него шальная мысль. Но потом прежние раздумья всплыли в памяти, и он сообразил, что сделать это ночью наверняка будет проще. Поэтому сержант без всякого сопротивления двинулся в окружении конвоиров. К дверям главной поселковой хижины уже стекались самые быстрые таха, в основном девчонки. Переноса презрение с провалившегося Ирвина на Вадима, они звучно плевались и корчили рожи, и при этом совершали самые гнусные действия с бананами – ломали их пополам, рвали на части, остервенело грызли, швыряли оземь и топтали. Приснись такое старику Фрейду, тот моментально сошел бы с ума.

Таха затолкали русского диверсанта в приземистое, небольшое строение едва ли не в самом центре поселка, закрыли дверь на мощный засов и сразу отправились за Ирвином. Тот едва волочил ноги, и стражам приходилось то и дело поддевать его древками копий.

Негр упал на подстилку и застонал.

– Ну, несостоявшийся таха, – мрачно проговорил Вадим. Он сел и прислонился спиной к столбу, которые и составляли каркас застенков. – Чем ты оправдаешь свой провал?

– Fuck off! – озлился Ирвин. – Какой к черту провал! Видел бы ты эти рожи. И в страшном сне не привидятся! Подстава, точно тебе говорю. Одна стервозная бабка сразу настроилась меня обломать. Все ей мало было... Еще и армейский медальон отняли, суки черномазые. А без него я словно голый!

Он замолк и отвернулся к противоположной стене, и сержант понял, что никакого раскаяния от соратника ему не добиться. Тот и в самом деле, похоже, проявил чудеса доблести, ублажая сразу трех черных старушек. Не вышло, и ладно... Надо теперь думать, как быть дальше.

Сержант обошел кутузку вдоль стен, толкая пальмовые бревна. Но те не только плотно прилегали друг к другу, но и крепко сидели в земле. Ни одно из бревен даже не пошатнулось. Кроме того, примись Вадим с разбега крушить их ботинком, со всех сторон наверняка сбегались бы копыеносцы и тут же пресекли этот вандализм. Имелось, конечно, два микроскопических окошка для вентиляции, но в них можно было просунуть в лучшем случае голову. Да и то уши, скорее всего, остались бы в тюрьме. Сквозь эти дыры видны были глухие стены соседних хижин.

Диверсант поднял глаза к потолку, надеясь увидеть прорехи хотя бы там. Тщетно! Кутузку строили на века.

* * *

Ирвин сумел прийти в себя только с наступлением темноты. Чтобы не терять времени даром, Вадим также вздремнул и теперь был готов к новым свершениям. Вот только пока непонятно, каким.

– Ну, – негромко сказал он, едва товарищ сел и протер глаза. – Что делать будем, камрад?

Через окошечки проникали слабые отблески пламени, разожженного на поселковой площади, и оба пленника могли видеть силуэты друг друга. Выражения лиц, конечно, терялись во мраке. Снаружи доносились довольно веселые перестуки тамтамов, повизгивания девушек и суровые реплики мужчин таха. Ночная жизнь здесь протекала почти так же бурно, как и дневная. Вот только «панасоник» помалкивал: видимо, вождь разумно экономил батарейки. К тому же не годится молодежи забывать родные напевы, поддаваясь влиянию дьявольской музыки белых обезьян.

– Ты старший, ты и думай, – буркнул Ирвин.

– Может, устроить небольшой переполох? Потребовать пищи и воды? Давай-ка постучим в дверь, заодно проверим ее на прочность.

Они принялись изо всех сил наносить удары по двери, но та ничуть от этого не страдала. Напротив, кости обоих диверсантов вскоре заныли от жестких соприкосновений с деревом. Сверху сыпалась какая-то мелкая труха, ошметки коры, и только. Грохот, правда, поднялся существенный.

– Что надо? – грубо коверкая слова, спросили снаружи.

– Пищи и воды! – завопил сержант.

– Мы хотим знать, что вы собираетесь с нами делать! – поддакнул негр. – You're stupid cunt! Требуем соблюдения международной конвенции по защите военнопленных!

– В особенности геодезистов! – угрожающе подхватил Вадим и тихо добавил: – Ты полегче выражайся, солдат.

– Ладно, постараюсь... Немедленно позвоните моему адвокату! – Американец без этой фразы обойтись, конечно, не мог. – А еще лучше, дайте телефон мне! Спутниковый!

Во тьме булькнули горлом и недоуменно залопотали на местном наречии. Кажется, тут не понимали таких мудреных слов, какими разбрасывался Ирвин. Однако вскоре в окошко влетело сразу несколько давленных бананов и калеваса с водой, больно ударившая Вадима по затылку.

– Утром вас отправят по реке в Касонго, – сообщил тот же голос. – Не вздумайте больше ломать этот дом, а то нам придется вас связать.

– Отлично, – хмуро сказал Вадим. Явно бракованные, лежалые плоды расплзались под пальцами, оставляя на ладонях липкую слизь. – Скоро я в самом деле превращусь в белую обезьяну. Меня уже тошнит от этого дерьма.

– А я люблю бананы, – не согласился негр, смачно чавкая.

– Это память предков. Ты и хухум-ржу ловко поедал. Вот только напрасно старался, все равно не помогло.

– Да, это самое обидное, – согласился Ирвин. – Лучше бы я на змее сломался, чем старух насилловать. До сих пор мутит. И репутацию Казановы зря подорвал, черт подери.

Так или иначе, вскоре пляски и веселье на площади затихли, и на поселок спустилась обычная лесная тишина. В какой-то момент, правда, Вадиму показалось, что жители деревни чем-то особенно возбуждены, но вскоре этот всплеск активности затух.

Если под дверью в тюрьму кто-то и оставался, слышно ничего не было – ожили ночные твари и забили эфир своими жутковатыми стонами и скрипами. Бежать во враждебные джунгли уже не очень-то и хотелось. Может, позволить таха отвезти их в Касонго? А там как-нибудь вывернуться и покончить с Черным Шаманом?

Внезапно со стороны ближнего к нему окна донесся звонкий шепот:

– Вадим... Человек с белым бананом...

«Вот черт! – подумал сержант. – Скоро меня стошнит от одного только этого слова». Он бесшумно вскочил и выглянул в амбразуру. Освещенная костром, там стояла Лубилаш и уже готовилась, возвысив голос, сказать что-нибудь еще.

– Чего тебе? – зашипел Вадим. – Тише, всю деревню разбудишь. Ирвин тоже спит, кстати. Устал после ваших дурацких испытаний.

– Он настоящий таха, – истово зашептала Лубилаш. – Старая Ягва совсем сошла с ума, если твой друг не сумел усладить ее. Все об этом говорят, только про себя. Слово вождя твердо, как речной окатыш. Он решил, и значит вас отвезут в Касонго. Хоть Потрясающему Пальмы и горько терять такого сильного таха из-за безумной Ягвы. И мне горько. Я бы с большой охотой попробовала на вкус этого здоровьячка.

– Ну и зачем ты это говоришь? – возмутился сержант. – Я и сам прекрасно знаю, что в Касонго нас прикончат, будто вонючих киафу. Лучше бы дверь открыла, чем душу травить.

Она вдруг хихикнула и повертела в пальчиках увесистый ключ от мощного замка. Спустя несколько секунд запоры на двери скрежетнули, и девушка проскользнула в образовавшуюся щель, не дав Вадиму опрометчиво вырваться на волю. Повиснув на пленнике, она горячо зашебетала, погружаясь курчавой шевелюрой в густую щетину на его подбородке:

– Еще рано! Дай племени как следует уснуть.

– Это еще зачем? Да я их голыми руками!..

Лубилаш приложила пальчик к его губам и разом осадила, словно вставшего на дыбы жеребца:

– Нет, я хорошо поняла, что хотел сказать мне отец. Вы будете ждать еще полчаса, пока посланец из Лусанги не уснет очень крепко.

– Так тебе вождь приказал отпустить нас? – поразился Вадим.

– Не приказал, а намекнул, – усмехнулась девушка. – Где бы я взяла ключ, по-твоему?

Вадим, пораженный, опустился на землю – он почувствовал, как у него начинают дымиться мозги. Эти аборигены, пожалуй, способны свести с ума не хуже французских глаголов.

– Ну и Потрясающий же у тебя Пальмы, – только и смог пробормотать он. – А что за гонец? Откуда, ты сказала?

– Он прибыл только час назад из Лусанги и сразу заперся с отцом в его хижине. Я подавала им еду, поэтому все слышала. Этот гонец сказал, что какая-то страшная летающая машина напала на тайное убежище и палила в него из огненных трубок под животом. Все

стреляющее оружие, с которым нужно идти на войну с киафу, погибло под пулями железного зверя. Не понимаю, зачем эти глупые слова? Любой дурачок знает, что такое вертолет и ракеты.

Сержант с трудом сдержал торжествующий рык.

– Этот человек из Лусанги спросил, не встречался ли в лесах кто-нибудь чужой, похожий на киафу или белую обезьяну, – продолжала рассказывать девушка.

– А вождь что?

– Потрясающий Пальмы ответил ему, что никаких киафу тут не встречалось. Потом они стали пить пальмовое вино и обсуждать другие дела. Еще таха из Лусанги сказал, что большой человек в Касонго очень зол и хочет жестоко отомстить всем киафу. Только теперь у него осталось мало оружия и надо время, чтобы заново собрать его. И ему скоро нужны будут новые солдаты, которые не побоятся выйти из джунглей...

– Понятно, – хмыкнул Вадим. – Будет вооружать самых сообразительных и держать их в лагерях. Думаю, никаких складов он больше делать не станет, себе дороже. А Мвере-Бижи, конечно, не хочется отдавать на войну последних мужчин.

– Ты великий воин! – восхитилась девушка. – Ты способен проникать разумом в замыслы вождей. – Вадим невольно расплылся в улыбке, а девушка тем временем пристроилась у него между колен и стала подбираться руками к его ремню. – А где тот резиновый чехол, который я дала тебе?

– Постой-ка, Лубилаш. Его нету. Я его закопал рядом с сундуком.

– Фу, какой глупый! – огорчилась она. – Я же тебе его подарила! Зачем выбросил?

– Он же одноразовый, – смущенно пробормотал Вадим.

– Почему? Целый ведь, не порванный. Не понимаю.

Сержант не сумел подобрать правильных слов и замычал что-то маловразумительное. Впрочем, Лубилаш объяснения и не требовались.

– Ладно, – решительно заявила она, – попробуем по-другому, все равно еще рано бежать. А еще лучше, если бы твой черный друг проснулся. Он мне нравится.

Но как именно она собиралась «пробовать», Вадим узнать не успел, потому что Ирвин зашевелился и вдруг рывком поднял голову, тараща на две тени у стены.

– Кто здесь?

– Тихо, воин, – раздосадованно сказал сержант. – Помощь пришла, скоро сваливаем отсюда.

Он вкратце пересказал соратнику сообщение Лубилаш, и негр заметно повеселел. Ирвин был готов сорваться и тут же бежать в джунгли, лишь бы его больше не заставили проходить всякие испытания или не отправили на растерзание Черному Шаману. Вадим с девушкой в четыре руки удержали его от поспешных действий. Причем Лубилаш удерживала как-то странно. Все время делала попытки запустить руку Ирвину в штаны.

Когда наконец они выбрались из кутузки, костер на площади окончательно прогорел. Это только облегчило побег. Вадим повел было отряд к южной окраине поселка, как Лубилаш поймала его за рукав и зашипела:

– Ты что, белый человек, совсем рехнулся? Как ты выживешь в лесу без своих пожитков и горьких таблеток?

– Верно девка говорит, – поддакнул Ирвин.

– Заткнись, рядовой. А что, можно незаметно вернуть снаряжение? Ты разве не слопала наше лекарство?

Девушка не ответила, лишь посмотрела на него с нежностью, как на слабоумного, но любимого ребенка.

– Пойдем. Если кто-нибудь услышит шорох, я скажу, что в кусты ходила.

* * *

Перед тем, как бежать, диверсантам пришлось отбить еще одну атаку. Лубилаш словно «экстази» наглоталась. Она принялась открытым текстом зазывать красавчика и силача Ирвина заняться «взрослыми ласками». Порывалась даже откопать и пустить в ход резиновый чехол. Смертельно измотанный тремя старухами негр и думать ни о чем подобном не мог. При поддержке ревнивого Вадима ему удалось-таки отговорить девушку от этой затеи. В конце концов, дело обошлось страстным поцелуем и обещанием слать открытки. На прощание Вадим подарил ей на память свой медальон с буквами «KFOR».

– Но будьте осторожны! – напутствовала друзей девушка. – В джунглях бродит демон.

– Что за демон? Ты можешь обойтись без иносказаний? Это зверь?

– Никто не знает. Его видели уже многие, но издали. Возле нашей деревни этим вечером он сломал много пальм и зарылся в землю как крот. Похож на большого человека, но страшный. Голова из железа, глаза из углей, грудь и спина из панциря черепахи, руки и ноги как у крокодила.

– ...И задница макаки, – издевательски подхватил Ирвин. Настроение у него по-прежнему оставалось скверным. – У крокодилов не бывает рук и ног, девочка.

Лубилаш проигнорировала замечание.

– Откуда он мог появиться? – с вспыхнувшим беспокойством спросил Вадим. Идея бежать из деревни больше не казалась ему такой уж удачной. В демонов он не верил, но мало ли какие опасности подстерегают землянина в ночном лесу другой планеты.

– Люди считают – это чудовище, охраняющее глыбу небесного железа, которая лежит в джунглях. Какой-нибудь дурак отломал от нее кусок, и вот демон ищет человека, чтобы покарать.

Вадим тут же вспомнил госпиталь, тестообразную морду Алекса и его рассказ об экспедиции к инопланетному звездолету. Стало жутко.

– Небесное железо... – раздраженно процедил Ирвин. – Демон – чугунные яйца... Глупые суеверия дикарей. Пойдем скорее, Вадим. Меня куда больше пугает боевик Черного Шамана, который гостит в деревне. Уж он однозначно нас убьет.

Косинцев вынужден был согласиться. Американец был прав на все сто.

Через двадцать минут сержант полностью одолел детские страхи и уверенно держал путь в южном направлении. Он шагал сквозь заросли полным сил и лишь посмеивался на жалобы американца:

– Радуйся еще, что нам удалось отшить эту взбесившуюся девку! Она бы из тебя точно все соки высосала! Во всех смыслах.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно спросил Ирвин.

– По ней же видно, что нимфоманка, – уклонился от прямого ответа Вадим.

– Ну-ну. Проверено на себе, да?..

– Ладно, ты тоже от души развлекайся.

Негр только сдавленно зарычал в ответ.

Светящийся циферблат компаса, совмещенного с часами, надежно поблескивал на запястье, наполняя уверенностью почище всяких путеводных звезд. И никакие взрыкивания хищников, на которые нервно реагировал Ирвин, уже не трогали сержанта. Тем более Лубилаш сообщила, что кроме демона бояться в округе некого. Самых смелых зверей уже давно извели еще более смелые воины таха. Остались разве что змеи, на которых можно запросто наступить. Да еще носороги. Но эти злобные твари встречаются в менее густом лесу.

Выручить удалось если не все, то многое из того богатого снаряжения, что они волокли на себе от вертолета. Пришлось оставить одну из винтовок и штык-нож от нее, зато коробку

гранат для подствольника Вадим тащил в мешке. ТТ висел в поясной кобуре. Также бросили часть патронов, рассудив, что вырезать целое поселение им никто не приказывал, а с одним человеком можно справиться и малым боезапасом. Гимнастерки, немного консервов и спички стали еще одной удачей, едва ли меньшей, чем оружие. Вот только фляжки ушли на сувениры, но их с успехом заменила крепкая калеваса – сосуд настоящего новолиберийца.

– Повезло так повезло, – пропыхтел сзади Ирвин. – Я уж и не надеялся, что живыми уйдем.

– Я же тебе говорил, что они не людоеды, – отозвался Вадим. – А ты не верил.

– Просто всегда нужно готовиться к самому худшему. Тогда все остальное покажется ерундой. Так нам психолог объяснял. А девчонку ты ловко окрутил, – позавидовал американинец. – Принцесса! Когда только успел? А мне древних старух подсунули. Я думал, сдвинусь от страха. Ладно, хоть не седых.

– Если не седые, какие же они старухи? Ты привередлив, чувак. У нас в России говорят, что бабы после сорока пяти – самый сок! Ягодки!

– Посмотрел бы я на тебя в компании этих ягодок, – пробурчал Ирвин. – Хотя, что взять с вас, русских! Такие же дикари, как дагонцы. Даром что белые...

Тем временем выяснилось, что диверсанты заблудились. Шли уже около двух часов, руководствуясь указаниями компаса, реки все не было. Если судить по карте, они должны были выйти к Касангешу давным-давно, однако водой даже не пахло. Не журчали струи на перекатах, не хрюкали бегемоты, не квакали жабы, не визжали утягиваемые на дно крокодилом антилопы. Наоборот, джунгли вдруг замолкли, будто вымерли. Лишь насекомые продолжали тянуть свою заунывную песню. Наконец Вадим остановился.

– Что-то здесь не так. Похоже, компас врет. Странно, что он вообще хоть что-то показывает...

– Вот сволочизм, – запричитал Ирвин. – Ну почему нельзя было дать нам нормальный спутниковый навигатор? Я никогда не доверял компасам! Может, тут и магнитного полюса никакого нет?

– А ты знающий геодезист!

– Все бы тебе шутить.

– Думаю, командиры надеялись на Люсьена, – наставительно сказал Вадим. – В андроида наверняка было напихано полным-полно всяких приборов. Тебе вместо куска кожи надо было его голову прихватить. Сейчас бы расковыряли, а там – что душе угодно. И навигатор, и передатчик, и даже визор с эротическим каналом.

– Эротики я уже накушался.

– Да брось. Аппетит приходит во время еды... – Вадим призадумался, потом встрепенулся: – Слушай, а может, ты умеешь по звездам ориентироваться? Или по мху на деревьях.

– С чего бы? Это ведь ты разведшколу заканчивал.

– Зато ты настоящий воин таха! И еще охотник. Следопыт!

Ирвин засопел от досады, но быстро нашелся:

– А кто у нас командир? Кто обязан заботиться о подчиненных? Вот и выводите меня из этой чащи.

– Ладно, замнем. Препираться можно хоть до утра. Только какая от этого польза? Давай лучше поспим. А когда рассветет, залезем на дерево и осмотримся.

– Давай залезем уже сейчас. Не хочу, чтобы меня во сне носорог растоптал или слон.

– Говорю же, ты – прирожденный таха, сын джунглей, – похвалил соратника Вадим.

Подсвечивая друг другу фонариком, диверсанты вскарабкались на раскидистое дерево, почти с комфортом устроились в развилке ветвей, пристегнулись ремнями к сучьям и заснули.

* * *

Выбравшись из-под нагромождения земли и веток, он хорошенько почистил оптические органы, стряхнул грязь и насекомых с остатков комбинезона, принялся и прислушался. Анализаторы все как один сообщали, что деревню Косинцев и Хэмпстед уже покинули. Проблема имела два решения. Войти в контакт с жителями населенного пункта и вывести, куда подевались его напарники. Или продолжать поиски без посторонней помощи. LSn-01.2 помнил, что контакты с местным населением до устранения Черного Шамана желательно свести к минимуму, поэтому начал огибать деревню по кругу. Уловив след, зафиксировал направление и размеренно пошагал на юг. Он был уверен, что теперь-то наверняка догонит напарников.

Людям требуется ночной отдых, а ему – нет.

* * *

Рано утром, забравшись на дерево, которое казалось выше остальных, Вадим оглядел окрестности. Прорех в зеленом океане обнаружить не удалось, лишь в паре километров к югу виднелось какое-то пятно вроде вмятины от титанической задницы. Листва вокруг и внутри вмятины была более темной, чем везде. Над пятном кружили белые птицы. Рассудив, что это цапли или чайки, а цвет зелени свидетельствует об обилии воды, Вадим слез с дерева.

– Продолжаем путешествие на юг! – скомандовал он.

– А поесть? – возмутился Ирвин. – У меня после тюремных бананов крошки во рту не было. Я бы сейчас и от хухум-ржа не отказался!

– Ишь, гурман! Когда пойдем, смотри по сторонам внимательнее. Найдешь змею, сразу хватай! И про гусениц, мокриц, жуков разных не забывай. Без них у кушанья остроты не будет.

– Я консервов хочу.

– Нет, консервы только в обед. Нужно экономить.

Ирвин гневно сверкнул глазами, но от перепалки удержался.

Продираться сквозь джунгли на голодный желудок было трудновато. Силы диверсантов быстро таяли. К счастью, вскоре они наткнулись на широкую звериную тропу.

– Верно идем! – приободрился Вадим. – Это антилопья дорога к водопою.

– Откуда знаешь, что антилопья? А вдруг слоновья или львиная?

– Эх ты, горе-следопыт! Смотри, помет орешками. Так только травоядные гадят.

– Если я в ближайший полчаса не пожру, даже орешками сыпать разучусь. Так что готовь винтовку, сержант. Подстрелим на водопое антилопу, наедемся досыта.

– Тебе бы только брюхо набить, – пожурил товарища Вадим, но винтовку перевесил с груди на плечо.

Не успели они насладиться комфортным путешествием, как тропа стала забираться круто влево. Косинцев вполголоса ругнулся и попер прежним курсом.

– Эй, ты куда, брат? – заволновался Ирвин.

– К реке.

– Но ведь антилопы...

– У тебя кто командир? – рассердился Вадим. – Я или антилопы? Не отставай.

Американец, злобно бурча, двинулся за ним. Косинцев перешагивал через гниющие стволы деревьев, отмахивался от болтающихся повсюду лиан и пытался понять, отчего звериный путь уводит в сторону от места, которое он сам посчитал наиболее похожим на реку? Возможно, тропа ведет совсем не к водопою, а к пастбищу? Или к логову неизученного хищ-

ника, который обладает телепатическим даром как у вампиров? Проголодается такой зверь, напряжет вырост на лбу – и раз, какая-нибудь серна уже мчится к нему сломя голову. И так каждый день за исключением периодов спаривания. Да нет, ерунда. Если бы упыри здесь водились, Лубилаш наверняка предупредила об этом диверсантов.

Сержант решил, что они будут идти на юг еще полчаса, а затем, если вода не встретится, повернут назад. Едва успев так подумать, он увидел впереди просвет.

Выбежав на небольшую полянку, он обомлел. Полянка определенно была рукотворной. Трава и ползучие растения начали понемногу затягивать следы человеческой деятельности, но пока не скрыли целиком. Деревья и кусты на обширном участке были спилены под корень. Вздymались алюминиевые остовы трех палаток. На них, как разорванные бурей паруса на мачтах, болтались клочки выцветшей ткани. Точно две буквы «Х», из травы торчали ножки перевернутого длинного стола. К одной из ближайших пальм была приложена тарелка спутниковой антенны.

В дальнем конце полянки из зеленого месива лиан выглядывал лиловый чешуйчатый бок титанического сооружения сложно изогнутой формы. Будто, прежде чем затвердеть, сооружение было живым и очень гибким – как танцовщица или змея.

– Fan-fucking-tastic! – ахнул за спиной Ирвин. – Что это за хреновина, командир?

– Глыба небесного железа, как говорят наши друзья таха.

– Космический корабль, да?! Инопланетный, что ли? Тот, про который нам с тобой майор Ярыгин рассказывал?

– Точно. А ты, оказывается, не все забыл, что на орбитальной станции было.

Вадим взглянул на компас. Как он и предполагал, стрелка красным концом указывала точно на звездолет. Антимагнитный полюс какой-то! Сержант медленно попятился.

– Давай-ка делать отсюда ноги, братан.

– Это почему еще? – заартачился американец. – Я отлично помню, майор говорил, что на инопланетных артефактах можно кучу бабла срубить.

– Потому что я про этот звездолет не только от Ярыгина слышал. Со мной в госпитале крендель лежал, который его исследовал. Видишь, лагерь разорен?

– И что?

– То, что здесь не только артефакты, но и их охранники имеются. Помнишь, Лубилаш про демона рассказывала? Гадом буду, один из сторожевых киберов. А это, чувак, терминаторы пострашнее покойного Люсьена. Экспедицию того парня всю вырезали, только он спасся. Наше счастье, что охранники лишь в сумерках появляются. Иначе твои косточки уже муравьи бы обгладывали.

– А твои! – возмущенно завопил негр. – Твои разве нет?

– И мои тоже, – скрепя сердце согласился Вадим. – Все, валим в темпе.

Он ухватил Ирвина за локоть и, пятась, стал углубляться в джунгли. Соратник едва переставлял ноги. Похоже, артефактовая лихорадка крепко завладела американцем.

– Давай, давай, шевели булками, – подбадривал его сержант. – Лучше быть бедным, но живым солдатом, чем богатым трупом без признаков половой принадлежности. Эти киберы первым делом мужские причиндалы отрезают, уж я-то знаю. Они же инопланетные, у них первейшая задача – сбор генетического материала в других мирах. Семенников и прочего в том же духе, сечешь?

Ирвин дико взглянул на него, а потом вдруг двинул кулаком в лицо. Косинцев ойкнул и выпустил его руку. Воспользовавшись этим, американец бросился к звездолету.

– Вернись! – кричал ему вслед Вадим. – Стой, идиот, пропадешь!

Тот не реагировал. Зажимая пальцами разбитый нос, Вадим побежал следом. Под ногой противно хрустнуло, какая-то дрянь капканом вцепилась в штанину. Косинцев скосил глаза и чуть не заорал от ужаса. На ноге болтался кусок добела отчищенной дождями чело-

веческой грудной клетки. Ребра охватывали голень Косинцева, будто полуметровые кривые зубы. Он отшвырнул костяк стволом винтовки и побежал дальше.

Бок звездолета навис над ним, темный и неумолимый, как грозовое небо. Каждая чешуйка инопланетной брони была размером с тарелку. Поверхность чешуи безжалостно выщербили бешеные пылевые ураганы Вселенной, до цвета чугуна окалины опалил звездный огонь. От корабля тянуло холодом космической пустоты.

Вадим осмелился ковырнуть одну чешуйку ножом. Острие скользнуло, будто по стеклу. Странно, подумал сержант, а лианы за что-то цепляются. Может, броня отталкивает только неживые объекты? Однако проверить догадку, потрогав звездолет рукой, духу у него не хватило. Возьмет, да засосет внутрь! Или прилепит крошечного механического паразита, который проникнет в мозг и медленно выест его изнутри.

Ирвин обнаружился возле пробоины в корпусе корабля. Дыра была размером с ворота вертолетного ангара, с рваными краями, загибающимися наружу. Ее затягивала полупрозрачная матовая пленка, выпуклая будто часть воздушного шара. Неосвещенная утроба звездолета не просматривалась.

В самом низу, рядом с краем дыры, сквозь пленку виднелось что-то среднее между бутылкой и калебасой. Предмет казался живым – внутри него свивались туманные струи, поблескивали расплывчатые искорки.

– Вот оно, богатство! – благоговейно проговорил американец и опустился перед артефактом на колени, будто перед алтарем Мамоны. – Как бы еще добыть это дерьмо?

– Не трогай, убьет!

Сержант подумал, что зловещая пленка, надутая неведомыми инопланетными газами, что-то ему напоминает, словно он уже когда-то видел ее. Но память никак не желала раскрываться и выдавать ответ. Пока он пытался опрокинуть в голове ментальную стену, черный солдат вооружился острым сучком и уже всю тыкал им в преграду. Не успел Косинцев возмутиться вдвое громче, чем в предыдущий раз, как пленка лопнула, будто колоссальный воздушный шарик. Наружу вырвался воздушный ураган, затхлый и смердящий. Только воздушный ли?

Впрочем, бравого Ирвина духи мертвых инопланетян не смутили. Даже не зажав нос – привык, как видно, и не к таким ароматам в своей казарме – солдат запустил руку в отверстие. Едва он успел выдернуть добычу, как пленка вновь приобрела прежний вид, разве что не пучилась от газов. Но Вадим все-таки успел разглядеть в шаге от дыры, внутри корабля, желтый человеческий череп, который оскалил пасть как будто в сатанинском хохоте.

* * *

Наконец-то Косинцев и Хэмпстед попали в поле зрения Люсьена. Они остановились возле огромного сооружения, информация о котором в памяти андроида отсутствовала. Анализаторы тут же выдали массу сведений, из которых LSn-01.2 сделал вывод, что объект – отдаленное подобие его самого. Только значительно более совершенное и предназначенное для иных целей. Сейчас оно не функционировало.

Желая привлечь внимание соратников и оповестить их о своем появлении, LSn-01.2 принял решение подать голос.

* * *

Стоило Ирвину покрепче ухватить инопланетную вещицу, ставшую теперь похожей на прозрачный дьюар, наполненный зеркальной субстанцией вроде ртути, как дагонские джунгли огласил дикий вой. Точно целая стая чертей разом задула в адские волынки, заго-

няя грешников на раскаленные сковородки. Разумеется, почуявшего запах большой наживы американца такие мелочи отвратить от задуманного не могли. Он крепко прижал находку к груди – и лишь после этого вскочил и начал озираться.

– Что за сирена, Вадим? Нас застучали на горячем?

– Смотри сам, – дрожащим голосом пролепетал Косинцев и указал пальцем в джунгли.

Там, во влажном лиственном полумраке, что-то двигалось – по направлению к Вадиму и Ирвину. Медленно и неотвратно, напролом. Поблескивал металл. То и дело срывались на визг проржавевшие за столетия инопланетные суставы. Хрустели ломаемые сучья. Огнем преисподней пылали два желтых зрачка.

На мгновение диверсанты оцепенели, загипнотизированные жутким зрелищем. Затем одновременно повернулись кругом и дали такого деру, что позавидовал бы чемпион Галактики по скоростному преодолению пересеченной местности.

Выскочив на тропу, не сговариваясь, воины KFOR устремились по ней. Вадим мчался и думал об одном – только бы не вляпаться в какие-нибудь ядовитые кусты, словно незадачливый Алекс.

К воде вылетели примерно через полчаса. А может, раньше – или позже. Когда спасаясь от смертельной опасности, время течет в абсолютно ином темпе, чем обычно.

Касангеша оказалась хилой речушкой шириной метров десять. На удивление диверсантов, тропа заканчивалась вовсе не водоемом, а почти настоящей пристанью. Вряд ли ее построили антилопы. Скорей всего, пристань оборудовали хозяйственные таха. Стало быть, и тропа была протоптана отнюдь не копытными. Такая же мысль пришла в голову американцу.

– Почему Лубилаш сразу не показала нам эту дорогу? – тяжело дыша, спросил он.

– Наверное, из-за того, что ты отказался ее приласкать...

– Вредная черномазая тварь! Я же ей объяснил почему.

– Да все вы, афророжденные, без башни. Я вот тоже говорил тебе, не подходи к звездолету, и объяснил почему. А ты все равно полез! Едва в живых остались.

– Прости, командир. Что-то нашло на меня, будто кто-то звал. Инопланетная телепатия, ей-богу. Сам же говорил, пришельцы генетический материал собирают. Вот и подманили меня, сволочи! Видно, мой материал особо ценный. Зато сейчас разбогатеет! Такая штука должна дорого стоить.

Ирвин покачал инопланетную бутылку на руках, словно младенца. Содержимое сосуда немедленно отреагировало на ласку, из зеркальной жидкости превратившись в подобие яично-желтого тумана, наполненного движением ярких искр.

– Ух ты! – восхитился Ирвин. – Ну, точно разбогатеет. I bet my ass on that!

– Разбогатеет... Нам бы живыми остаться.

Необыкновенно зоркий от избытка адреналина, Вадим быстро обнаружил поблизости узкую протоку, куда рыбаки загоняли лодки. Никто, конечно, не озаботился приковать или еще как-нибудь защитить их от грабителей.

Диверсанты вывели одну из самых больших и прочных на вид лодок из протоки, стащив из другой посудины второе весло.

– Ты умеешь грести? – с сомнением спросил Ирвин. – Да еще двумя веслами?

– Я в детстве секцию юных моряков посещал. К тому же плыть будем по течению. А второе весло тебе, между прочим.

– По-моему, в этой реке должно быть полно крокодилов, – не унимался пессимистичный солдат.

И точно, словно подтверждая его слова, по гладкой поверхности воды промелькнул небольшой бурун. Тут же донеслось еще несколько всплесков.

– Что-то мне расхотелось тут плавать, – в сомнении проговорил негр. – По правде говоря, я опасюсь крокодилов даже больше, чем собак или таха.

– Может, тогда вернемся к твоему другу-инопланетянину? – насмешливо предложил Вадим и забрался в лодку. – Отставить панику. Двигай сюда, – приказал он и похлопал рукой по борту. – Беглецы всегда скрываются по реке, это я тебе как выпускник разведшколы говорю. Вода надежно уничтожит наши следы.

– А крокодилы – нас самих...

Ирвин залез к нему, и посудина тотчас наполовину ушла в воду – все-таки она не была рассчитана на двоих. Интересно, как таха собирались везти на ней пленников? Неужто волоком на веревке?

– Придется держать равновесие. Иначе зачерпнем бортом воду, и тогда уж точно угодим на обед к этим гадам. Или на второй завтрак.

Вадим сел на носу и погрузил весло – обычный обрубок пальмы с привязанной к нему деревянной лопастью – в черную воду. Ирвин же пристроился на корме, так чтобы суденышко сохраняло хоть какую-то устойчивость. Грести он надумал с другого борта, чтобы не вилять по фарватеру. Вещмешок с остатками консервов и боеприпасами положили между собой.

– Только бы бегемоты не проснулись, – пробормотал неудавшийся таха. – Бегемоты хуже всего, даже крокодилов. Как двинет кормой в борт, пиши пропало. Или пантера с дерева может прыгнуть, тоже не шутка. А то еще и гориллы бывают, знаешь? Заметит самец человека – и давай с ним драться за своих вонючих самок. Пока не отмутузит в хлам, не отпустит. Разве с такой образиной справишься?

– У нас же винтовка с пистолетом есть, – утешил его Вадим. – И нож в придачу. Не трусь, прорвемся.

ГЛАВА 7

К полудню удалось преодолеть не меньше тридцати километров. Несмотря на извилистое русло и высокую плотность прибрежной растительности, путь давался легко. Особенно по сравнению с джунглями, где каждый километр отнимал столько сил, что их могли компенсировать лишь горы диких бананов. По берегам валялись живые «бревна» крокодилов. Однако две потенциальные жертвы, видимо, выглядели слишком опасно, поэтому никто из гадов не сорвался с места, чтобы протаранить лодку.

Во время пути Ирвин то и дело извлекал из мешка добычу и подолгу с восторгом рассматривал ее. Простукивал, нюхал бутылъ – разве что на зуб не пробовал. Косинцев, хоть и был раздосадован проступком подчиненного, распекать его не пытался. Сделанного не изменишь. Но бутылъ, даже издали, привлекала и его внимание. Судя по восхищенным комментариям соратника, емкость время от времени, как будто случайно меняла температуру и даже содержимое. То оно походило на ртуть, то на замороженную минеральную воду. То на раскаленное оливковое масло, то на влажный туман, в котором плавают светлячки, а то на гроздь изумрудных пузырьков. Один раз даже показалось, что в «дыюаре» находится обыкновенный мелкозернистый песок.

– Эх, не к добру ты стянул у пришельцев их собственность, – не выдержал сержант. – Лучше бы кусок пленки оторвал!

Он наконец вспомнил, что такой же «материал» ему показывал на орбите майор Ярыгин. А также и то, каким особенными свойствами обладает пленка. А от этой бутылки черт знает чего ждать! Может, это бомба с часовым механизмом? Или с каким-нибудь другим, который вынудит ее жакнуть в один несчастливый момент?

Когда солнце поднялось в зенит, и организм ответил на это мгновенным и обильным потом, решили сделать привал. Черный соратник в очередной раз неохотно спрятал добычу в мешок, на самое дно, и вернулся в образ простого диверсанта. Следовало не только подкрепиться, но и определить местоположение. Ни сержанту, ни его соратнику совсем не хотелось попасться в лапы аборигенам так же нелепо, как давеча в Хендаваши.

В метре от илистого берега, когда дно лодки заскребло по дну, Ирвин спрыгнул в воду и стал вытягивать посудину на сушу. Характерный крокодилий профиль, притаившийся в кустах, Вадим заметил случайно. Он заорал:

– Берегись! Справа!

Умение быстро исполнять приказы командиров сказалось. Негр успел отпрыгнуть вбок. Мощные челюсти клацнули в сантиметре от его ступни. Тварь вновь изготовилась, чтобы броситься на Ирвина. Хвост ее бешено дернулся и ударил в борт лодки, отчего Вадим, который уже выхватил из кобуры ТТ, вывалился в воду. Видимо, этот звук и отвлек гада от повторного прыжка – он повернул чудовищную пасть к источнику звука и получил в плотку свинцовое угощение. Над Касангешаи разнеслось звучное эхо, вокруг взбалмошно заголосоли обезьяны и птицы.

Зеленый гад дернулся и затих, изогнувшись в нелепой позе. Пуля вошла в мозг, второго выстрела не потребовалось.

На ватных ногах Вадим выбрался из воды и сел на шершавую тушу крокодила. Руки ходили ходуном, тяжелый пистолет чуть не выпал из разом ослабевших пальцев.

– Сказал же тебе, тут полно крокодилов, – пролепетал Ирвин, выбираясь из куста. Кожа на его лице посерела от пережитого ужаса, а губы подрагивали.

Сержант оправился от испуга только после того, как съел банку тушенки и зажевал ее диким и к тому же недозрелым плодом манго. Лодку пришлось оставить, потому что починить ее смог бы только настоящий таха, а Ирвин все-таки не до конца прошел испытания, и

веры ему не было. К тому же очень быстро вокруг поверженной твари стали скапливаться крокодилы и прочие хищники помельче. Они ворчали в кустах, заставив диверсантов крепче стискивать оружие. Монстры не спешили вылезать из укрытий, но порядком нервировали. Латать пробоины в такой враждебной обстановке было проблематично. Конечно, можно было бы перестрелять всех тварей поголовно, залив джунгли и воду в реке кровью, но это было бы слишком жестоко. Миротворцы так не поступают.

– Ладно, уточним местоположение, и вперед, – распорядился Вадим.

Закинув пустые банки в кусты, откуда тотчас раздался скрежет зубов по жести, они склонились над картой местности. Вадим специально запомнил последние несколько поворотов Касангеши, а потому быстро ткнул пальцем в нужную точку.

– Вот, смотри, нам нужно строго на юг. Еще семь километров, и мы у цели. Можно, конечно, идти вдоль Касангеши до самого Касонго, но это рискованно. Наверняка берега кишат рыбаками и крокодилами.

– Ты боишься рыбаков, брат? Тоже детская фобия?

– Причем тут фобия! – рассердился Вадим. – Просто они добывают рыбу не удочками, а гарпунами. Засадят с перепуга острие в бок, тут и конец диверсанту Хэмпстеду.

– Да, гарпун штука опасная... А что дальше?

Вопрос Вадиму не понравился.

– Вот пока идешь – думай. И я тоже буду.

Они выволокли обломки судна на берег и затолкали в кусты. Теперь это свидетельство их бегства не было видно с реки. Хотя опытные охотники, конечно, сумеют разглядеть следы. Однако Вадим надеялся, что мудрый Мвере-Бижи не станет высылать за ними погоню и вообще постарается скрыть от других вождей сам факт пленения чужаков. Этот правитель был заинтересован в прекращении войны и вряд ли поверил в басню Вадима о «военных геодезистах».

* * *

Памятуя о позорном пленении хендавашцами, диверсанты двигались так тихо, как только возможно. Но и сил это отнимало раза в два больше, чем обычный размашистый шаг по джунглям, когда рука смело отбрасывает лиану вбок, а подошва неумолимо впечатывается в череп неповоротливой ящерицы.

К сожалению, пронырливые обезьяны не очень-то верили в добрые намерения людей и старались оповестить всех в округе, что некто чужой крадется в зарослях. Поэтому Вадим принял решение переждать светлое время суток и подобраться к Касонго во мраке.

Разжечь костерок диверсанты опять не решились. Слишком уж близко было поселение, и дым мог выдать их бдительным аборигенам.

– Ну что, план готов? – полубоопытствовал Ирвин. Лежа на взгорке, в тени высокой пальмы, он поедая фрукты, добытые за минуту до этого. – Как мы пристрелим этого парня? Люсьен-то погиб. За снайпера у нас теперь ты, как я понимаю.

– Зачем же обязательно стрелять? У нас и гранаты есть.

– Ладно, как ты метнешь в него гранату?

– Почему обязательно я? У тебя тоже рука есть, даже две.

– Ты доверишь мне этот сложный этап операции?

– Естественно, ты же подрывник. К тому же доказал свою меткость в деревне.

– Вот еще! Сравнил священное копьё с гранатой! У меня, может, все еще нервы не в порядке после старух и крокодила. Вон как руки дрожат.

– Уймись, солдат. Для метания гранат у нас есть подствольник. Я просто проверял твою готовность пожертвовать собой ради великой цели.

Сержант задумался. Во время утомительного перехода все его внимание отнимали рельеф местности и тщетное желание оставаться незаметным для зверья. Теперь же пришло время всерьез озаботиться планом. До поселения Черного Шамана оставалось всего два-три километра, и откладывать разработку операции было уже невозможно.

– Есть одна задумка, – осенило Вадима. – Ты у нас почти настоящий таха, вот тебе и поручим это небольшое дельце. Сходишь в разведку.

– Еще чего! – возмутился Ирвин. – Я и так за двоих у Потрясающего Пальмы отдувался. А ты только жрал и красивую девку трахал.

– Ты тоже девок трахал, причем сразу троих. Не говори, что это были мужики. И жрал, кстати, не меньше, деликатесы всякие. Отдувался он! Ну, копье метнул, да и то чуть не промазал.

– Нет, это уж слишком! – продолжал бушевать негр. – Ты хоть и командир, но посылать меня на верную смерть не имеешь права. К тому же я не знаю языка таха, меня сразу раскусят.

– Это верно, – остыл Вадим. – Но план все равно хороший.

– Нет! Хуже плана и придумать нельзя, – возразил Ирвин.

Так или иначе, до наступления темноты оставалось еще порядочно времени, и сержант не особо печалился: главное – посмотреть на арену боевых действий, определить слабое место обороны, а там видно будет.

* * *

Вадим, конечно, подозревал, что Касонго окажется крупным поселком. Но целая сотня ухоженных домов поразила его не меньше инопланетного звездолета. Еще штук пятьдесят хижин, рассеянные по окраинам деревни, выглядели победнее – и крыша местами прохудилась, и угловые столбы покосились.

Все это было видно в свете темнеющего неба и нескольких больших костров, вокруг которых кучковались немногочисленные негры. Из некоторых домов до диверсантов долетали приглушенные стенами звуки современных и старых шлягеров. Судя по всему, цивилизация оставила в Касонго более заметные следы, чем в Хендаваши. Но стиль жизни изменился не слишком, разве что по окрестностям не шныряли дети и охотники: зверья поблизости почти не осталось, все давно употребили в пищу. А бананы лучше было воровать на плантации, чем таскаться за дикими плодами в джунгли.

Для ловли рыбы имелась река под названием Ломами – раза в два более широкая, чем Касангеша. На берегу была сооружена довольно крупная пристань, и даже стоял длинный приземистый дом, смахивающий на склад. Рядом пришвартовался закопченный корабль, какие Вадим нередко встречал в столице. Там такие посудины перевозили пассажиров с одного берега Касуку на другой. Здесь же судно служило для транспортировки фруктов. На глазах диверсантов несколько матросов закидали в трюмы сетки с недозрелыми плодами, потрепались с капитаном, который в итоге остался на судне, и пошли в увольнительную на берег.

Наверное, ночью по местным рекам никто не плавал.

Вадим и Ирвин затаились на самом краю открытого пространства, на склоне холма. Между ними и поселком пролегли целые ряды крошечных делянок, на которых бурно зрели какие-то злаки и другие растения. Некоторые напоминали крошечные пальмы с бодро торчащими листьями.

С двух других сторон деревню окружали фруктовые плантации.

– Смотри-ка, тут даже лавка есть, – сообщил Ирвин.

Сейчас была его очередь таращиться в бинокль, изучая объект диверсии. Однако Вадим подозревал, что поглядывает он в основном на девчонок, чья кожа в свете костров сверкала, словно смазанная жиром. Наверное, это был репеллент.

– Ты обстановку изучай, посты всякие, патрули считай, – недовольно сказал сержант. – Нечего на баб смотреть.

– Кто сказал про баб? – обиделся соратник. – Глухой, что ли, доклада не слышишь?

– Не спорь с командиром, – сурово осадил негра Вадим. – Дай сюда бинокль.

Он стал вновь оглядывать деревню, отмечая детали, на которые не обратил внимания при первом, беглом осмотре местности. Он заметил, что большая часть жителей предпочитает более пристойную одежду, чем дикари из Хендаваши. Хотя девушки и продолжали расхаживать в коротких юбчонках, теперь они были сшиты не из пальмовых листьев, а из цветастой ткани. Мужчины однозначно предпочитали брюки, подрезанные или закатанные до колен. Копий или другого оружия открыто никто не носил, также как и боевых и прочих раскрасок тела. Разве что бабки да старики, приверженцы традиций, порой мелькали в одежках таха, но их было немного.

Молодежь явно выбрала современный стиль.

Больше всего народа наблюдалось у кабака с провокационным названием «Хухум» – возле него даже лежало несколько мертвецы пьяных негров и порой разгорались скоротечные драки.

– Ладно, раздевайся до пояса, – приказал Вадим. – Закатай штанины до колен и обмажься грязью. Пойдешь на разведку.

– Куда? – набычился Ирвин. – И так все как на ладони, чего еще разведывать?

– Отставить базар, рядовой! – посуровел Вадим. – Пока прогуляешься по улицам, присмотришься к людям. В разговоры не вступай, костры обходи подальше, чтобы к тебе никто не пристал с вопросом – кто, мол, такой и откуда. Только с самыми пьяными можешь поговорить. Будь незаметным, понял? Определи самое богатое здание в деревне, иначе мэрию. Там должен обитать этот проклятый Шаман. Затем потолкуй с капитаном судна, попросись к нему матросом.

– Зачем это? Я не хочу быть матросом, я американский солдат.

– Сейчас ты диверсант, Ирвин, – торжественно сказал Вадим. Из лекций, прослушанных на курсах ГРУ, он помнил, что воодушевление личного состава подчас важнее меткой стрельбы. – А этим парням иногда приходится выполнять задачи и посложнее. Например, сутки сидеть в выгребной яме сортира, чтобы взорвать врага, когда тот придет погадить. Взорвать вместе с собой, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.